

Людмила
Макарова

Ближние
звезды

Звездный

лабиринт

Людмила Макарова

Близкие звезды

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165927
Близкие звезды: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-047739-5, 978-5-9713-6968-4, 978-5-9762-5207-3

Аннотация

Планета Джунглей...

Огненный Файр...

Бескрайние океаны Сориссы...

Бесконечный калейдоскоп миров – огромная игрушка для курсанта Джоя Ива, юного и восторженного стажера галактической «Ассоциации Свободного Поиска», – и тяжелый, скучный труд для капитана Рэджинальда Гардона.

Однако неожиданно Рэджинальду поступает предложение, больше похожее на ультиматум.

Спецслужбы приказывают ему отправиться на смертельно опасную «планету миражей» и взять там таинственный груз.

Капитан и Джой решают любой ценой узнать, что спрятано в трюмах их звездолета...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Людмила Макарова

Близкие звезды

Глава 1

Командный состав

– Я тебя правильно понял? Вот так запросто поднимешься на борт этой твоей аэспэхи хваленной, скажешь: «Покатайте меня, мужики. Что вам стоит?» – и тебя на полгода включат в экипаж? – с усмешкой сказал капитан «Торнадо», сверху вниз глядя на мальчишку-курсанта.

– Да, господин капитан, – ответил Джой, упрямо склонив голову. – Я думаю, у меня есть шанс, сэр.

– Ну ты наглец!

– Возьмете до Файра?

– Да что ты заладил: «Возьмете – не возьмете», – раздраженно пробормотал капитан транспортника. – Заплатишь – поедешь. Как говорится, дело техники. Чудак... Не маши своей тощей кредиткой – не стартовали еще.

Джой послушно убрал кредитку обратно в карман форменной куртки.

– Ты хотя бы с орбитальной станцией свяжись. Чтобы совсем без работы не остаться, когда тебя Гардон на хер пошлет, – посоветовал космолетчик почти сочувственно. – А он пошлет, не сомневайся.

– Значит, возьмете? – с надеждой переспросил курсант.

– Тьфу! Салажня безмозглая. Для тебя, дурака, – полцены. Чтоб на обратную дорогу хватило...

Работать на Департамент космоплавания Рэджинальд не любил. Впрочем, тут он был не оригинален. Ругать обязательный блок работ считалось чуть ли не правилом хорошего тона у капитанов Ассоциации.

Но в этот раз его звездолет придали группе командора Вейса. А Рэд считал, что межпланетному кораблю можно было найти более достойное применение, чем перевалочный пункт на орбите планеты, только что включенной в список «Представляющие интерес с научной точки зрения. Категория „В“. Возможность практического использования уточняется. Юрисдикция Аналога-3. Открытый доступ». «Открытый доступ» смущал больше всего: во вновь открытой планете Файр не особо нуждалась даже та метрополия, за которой эта самая планета числилась. Иначе все работы велись бы специалистами в закрытом режиме, на дальних орбитах выставили бы оцепление, а в сети и по официальным каналам Аналога-3 уже вовсю крутились бы рекламные ролики, зазывающие колонистов в новый мир сразу по окончании климатической трансформации.

И то, что лучший звездолет АСП так легко отдали исследовательской группе Вейса, превратив людей с многолетним опытом работы в пространстве в мальчиков на побегушках, могло означать только одно: шеф-пилот Ассоциации Пол Дорвард неплохо заработал. Или кто-то из капитанов Ассоциации здорово проштрафился перед Аналогом-3, и Рэджинальд со своим экипажем теперь компенсировал неведомый ущерб.

Насчет мальчиков на побегушках Рэд, конечно, преувеличивал. Официально он значился заместителем руководителя работ, то есть вторым человеком после Вейса в районе Файра. Но уже то, что капитан звездолета галактического класса угодил в подчинение к орбитальнику, пусть и в звании командора, Рэджинальда драконоило. А Вейс еще подлил масла в огонь, в первый же день заявив, что нужны ему не столько помощники, сколько

пилоты, техники и инженеры. У него еще хватило наглости осведомиться, в состоянии ли экипаж «Моники» работать в режиме орбитальной разведки! Словно «Моника» была тяжелым транспортником, и ее пилоты и технический персонал кроме открытого космоса и вакуумных причалов ничего в жизни не видали!

Тут Рэд вздохнул, признал, что «накручивает» себя, и мысленно закрыл тему вечного противостояния межпланетников и орбитальников. Ничего. Два месяца продержались, еще два тоже как-нибудь. Все-таки, рубеж... Но при таком раскладе еще немного – и капитан «Моники» начнет считать дни, оставшиеся до выхода звездолета в открытый космос, делая зарубки на стенах собственной каюты.

Тяжелый транспортник «Торнадо» ушел по расписанию. Звездолет не отклонялся от курса, подпространственные переходы рассчитывались оптимально, график движения соблюдался неукоснительно, а единственный пассажир нервничал как никогда в жизни.

Две недели назад курсант Джой Ив проходил инструктаж по преддипломной практике в Высшей школе космолетчиков.

«Право выбора звездолета и организации для приобретения навыков самостоятельной работы в пространстве – за вами, – говорил шеф-пилот Гаррисон Стар. – Я лишь настоятельно рекомендую вам не принимать скоропалительных решений и опираться на базовый список, предоставленный Департаментом космоплавания. Хочу еще раз напомнить, что в него не входят коммерческие организации».

Не успел командор закончить речь, как Джой решил пренебречь его отеческими наставлениями и попытаться счастья ни где-нибудь, а в Ассоциации свободного поиска. Его не пугала перспектива оказаться в тени чужой славы. Джой был молод, уверен в себе и счастлив, что вырвался наконец из-под опеки школьных инструкторов. И его даже подзадоривал тот факт, что капитаны АСП из года в год занимали лидирующие места в рейтинге «Топ 100» гражданского космофлота, уступая только личным пилотам высокопоставленных государственных чиновников.

Но по мере того, как «Торнадо» оставлял за кормой парсек за парсеком, сомнения все сильнее терзали душу новоиспеченного пилота. Попасть в Ассоциацию даже для профессионала считалось большой удачей. И хотя Ив не собирался отказываться от задуманного, мысли о предстоящем разговоре с командиром экипажа «Моники», технические характеристики которой Джой давно выучил наизусть, наполняли его сердце смутной тревогой.

Курсант Ив выбрал Многоцелевой несущий корабль с индексом семнадцать из внушительного перечня грузопассажирских судов, приписанных к базе АСП. Центрированное расположение рубки; рабочие места капитана, первого и второго пилотов, оборудованные единой системой ВИКОНТ (виртуальный контроль полета); четыре маршевых двигателя, двадцать четыре двигателя направления; вся ходовая часть выведена на штурвал; два малых бортовых звездолета и шесть подпространственных ускорителей.

Управлять скоростным высокотехнологичным красавцем, с именем, ласкающим слух... Мечта Джоя, как две капли воды похожая на чаяния большинства однокурсников, но все же единственная и сокровенная, – совсем рядом, в бета-радиусе удаленности, на банальной круговой орбите. Как никогда близкая к воплощению, она располагалась по одну сторону незримой границы. Советы командора Стара, неписанное правило аэспэшников не связываться со стажерами и здравый смысл охраняли рубеж с другой стороны. На разделительной полосе возвышалась фигура капитана «Моники», которому достаточно было протянуть руку курсанту Джою Иву и проследить, чтобы тот не умер от счастья. Последний пункт оказался самым слабым звеном в оптимистичном плане стажера пройти практику в коммерческой организации.

Капитан Рэджинальд Гардон был личностью незаурядной. И как водится, слухи о нем ходили самые разнообразные. Начав свой путь в космосе в семнадцать лет, он участвовал в

локальных войнах Второй Волны и чуть не угодил в штрафное подразделение из-за драки с командиром. Но в этот момент как раз формировалась штурмовая бригада «Атака» ВКС Аналога-2, и вместо штрафбата Рэджинальда перевели туда. В составе бригады он и воевал практически до прекращения боевых действий и расформирования части. Сначала пилотом звездолета техобеспечения, а после переподготовки – истребителя. И диплом пилота гражданского космолота капитан Гардон якобы получил по протекции шеф-пилота АСП уже в мирное время. Рэджинальду приписывали даже пребывание в тюрьме на планете Зона-77, во время побега с которой его изрешетили так, что он чудом остался жив. Наконец, рассказывали, что капитана «Моники» знают самые дорогие проститутки галактики, его досье в Службе космической безопасности занимает немало места, а шеф Департамента космоплавания здороваётся с ним за руку. Именно этого человека Джой, шагая через стыковочные тамбуры «Торнадо», собирался убедить взяться за свое обучение. В настоящее время «Моника» висела на орбите Файра, взяв на себя часть функций многоцелевого орбитального комплекса, пока последний монтировался на соседнем радиусе. Работа, слишком монотонная для экипажа АСП, позволила бы Джою продемонстрировать школьные знания и заслужить признание элиты гражданского космолота. О свободном поиске Ив боялся даже мечтать, и правильно делал. В командном отсеке МНК-17 суждено было оправдаться самым худшим представлениям о встрече.

– Я не беру стажеров на борт, – коротко сказал капитан, наполовину развернув к нему кресло.

Джою показалось, что серые глаза Гардона метнули ледяные искры, хотя тот говорил совершенно спокойно. Первый пилот, сидевший справа от капитана, вздохнул и задумчиво потер рукой подбородок. Радист удовлетворенно кивнул и отвернулся.

– Но сэр, – в наступившей тишине голос Ива, которому не позволили произнести заранее подготовленную пламенную речь, звучал не очень уверенно, – я не просто стажер. Я курсант группы выпуска. С согласия начальника ВШК нам разрешено...

– Мой звездолет, – перебил его капитан, – приписан к АСП. И насколько я себе представляю, в базовый список космошколы не входит. Поэтому мне откровенно наплевать, что вам наговорил ваш шеф.

– Я решил просить вас о работе на борту без его согласия, господин капитан.

– Ну и молодежь пошла – никакой дисциплины, – проворчал первый пилот.

– «Торнадо» просит разрешения на расстыковку. Основная партия груза для орбитальников Вейса, – сообщил радист. – Что-то быстро они в этот раз разгрузились...

– Отпускай, – сказал Гардон и встретился взглядом с Джоём. – Привет им от меня передай. Таксисты-нелегалы, мать их... Придется переслать тебя к транспортнику на модуле. Не задерживать же звездолет!

– Разрешите остаться на борту и понаблюдать за работой пилотов три дня, которые остаются до отхода «Торнадо» в альфа-радиус, сэр?! – отчаянно выпалил Джой, удивившись собственной смелости.

– Хорошо формулируешь... Слыхал, Джери? – обратился капитан к первому пилоту и уставился на стажера, как будто только сейчас его заметил. – Отличник, что ли?

От взгляда замерзнуть можно было. Ив замерз и молча кивнул. Первый пилот что-то говорил капитану по индивидуальному коммуникатору, так что Джой не мог расслышать. Капитан вытащил сигарету...

«Запрещено параграфом 40, пункт 11 Кодекса космоплавателей», – машинально отметил Джой про себя.

Гардон не спеша прикурил, щелкнув зажигалкой и ответил старпому, пожав плечами. Переговорные устройства с встроенной системой блокировки внешнего звука Джой раньше видел только на кафедре технологий связи.

– Оставайся, – сказал Рэджинальд, выдержав паузу. – Только помни, что моими распоряжениями пренебрегать нельзя. Я не начальник космошколы.

– Да, сэр! – вытянулся Джой.

– На экскурсию по «Монике» у тебя есть десять дней, до следующего транспортника. Скажи спасибо первому пилоту Стрэйку. На большее не рассчитывай.

– Благодарю вас, сэр!

Капитан бросил пачку «Star wind» на пульт и отвернулся. Разговор закончился для Джоя весьма сомнительной победой. Он стоял у центрального пульта управления навтыжку и представления не имел, что делать дальше, пока, на его счастье, в рубку не ввалился еще один член команды. Чтобы окинуть его взглядом целиком Джоя пришлось невольно задрать голову. Новое действующее лицо имело бравый вид, бархатный баритон и пшеничные кудри, которые едва ли когда-то стригли по уставу.

– Вынес я вам все пилотируемые модули на отдельный терминал, – загудел вновьприбывший, который совмещал на «Монике» обязанности бортинженера и врача, – с пульта второго пилота можно контролировать. Эдвард вернется – протестируем... А это что? – Он ткнул пальцем в замершего по стойке «смирно» Джоя. – Биоробот?

– Курсант «Вышки», как видишь, – сказал радист. – На практику просится. – Он поджал тонкие губы, пожевал ими и добавил. – Уже почти напросился.

– Мы взяли стажера?! – бортинженер повернулся в сторону капитанского кресла и понизил голос. – Стареем, господа, стареем. Или мои глаза меня обманывают?

– Никто его не брал пока, Виктор, – сказал капитан, не обернувшись. – Эдвард будет через два часа. Я ухажу группу Вейса координировать. С Джеральдом тестируйте.

– Ага. Сам, значит, возник. Пришеллец – не иначе. Как звать, курсант?

– Джой Ив, сэр!

– М-да-а... Клинический случай. И транспортник отчалил уже... Ну пойдем, Джой-Ив-сэр, буду демонстрировать тебе образцовое гостеприимство. Комсостав не возражает? Не стоять же ему тут весь день... Капитан? Джери?

– Проваливайте, проваливайте, – проворчал первый пилот. – Без вас спокойнее. Пристрой его куда-нибудь. С пульта второго пилота, говоришь? Сейчас посмотрим.

В коридоре бортинженер бесцеремонно оглядел добычу с головы до ног. Перед ним стоял смуглый худощавый коротко стриженный парень в новенькой форме курсанта группы выпуска.

– М-да, – еще раз повторил здоровяк, но уже не так театрально и гораздо более дружелюбно. – Ну что ж... тоже развлекуха. Раз Рэд тебя сразу не выгнал, добро пожаловать на «Монику». Меня зовут Виктор Блохин. Так и быть, провожу тебя к жилому отсеку технического персонала. В «апартаменты» комсостава тебе еще рановато. Заодно с ребятами познакомишься. Эй! Джой, ты немой?

– Нет, сэр!

– То молчит, то кричит, – хмыкнул бортинженер. – Где живое человеческое общение, которого нам так не хватает в бескрайних просторах Вселенной?

Ив неуверенно улыбнулся в ответ. Как минимум, за двух членов экипажа «Моники» он уже готов был умереть. Из чувства благодарности.

Блохин определил мальчишку в гостевую каюту, поднялся наверх и столкнулся нос к носу с запыхавшимся Эдвардом, почти бегом направлявшимся в рубку. Легкий скафандр облегал его фигуру довольно плотно и даже во внутренних отсеках корабля не выглядел громоздким. И Эдди не стал утруждать себя переодеваниями между рейсами, отбросив назад гермошлем, который сложился на плечах в высокий складчатый воротник. Вообще-то командор Вейс отдал распоряжение всем пилотам работать в полужестких скафандрах, учитывая местную специфику, но у Эдварда, к счастью, был еще и непосредственный начальник, кото-

рый приказ командора подтвердил, но при этом так скривился, что Эдди в полужестком скафандре работал за два месяца только два раза. Первый, когда вез командора Вейса с недостроенного орбитального комплекса в десантный лагерь на поверхности Файра. А второй – когда забирал его оттуда через сутки.

– Привет, сделал терминал? – пилот замедлил шаг, и мягкий свет, лившийся с потолка рассыпался на отражателях скафандра.

– Сделал, – задумчиво сказал философски настроенный Виктор.

– А что за пожар такой на «Торнадо»? Загаметизировались в пять минут и отвалили уже. Валдис даже в гости не заглянул.

– Ты еще не знаешь?

– Нет, – Эдвард остановился посередине галереи, полукольцом опоясывающей рубку. За спиной пилота с легким шипением захлопнулись двери лифта. Уровнем ниже располагался ангар. Влево отходил коридор, ведущий, как выразился Виктор, в апартаменты командного состава. Другой конец коридора упирался в диафрагмальный люк, преграждавший путь в рубку. Вернее, должен был упираться. Сейчас разведенные лепестки бронированной ирисовой диафрагмы прятались в прорезях переборок, и проход перегораживал только слабо мерцающий силовой щит, закодированный на биопотенциал членов комсостава «Моники». Космолетчики постоянно мотались между бортом своего звездолета, орбитальным комплексом Вейса и десантным лагерем на поверхности Файра, и бесконечное «хлопанье дверями» стало вызывать легкое раздражение уже к концу первой недели работы.

– Валдис Гардону практиканта привез и сваливает, – пояснил радист. Кейт вышагивал по коридору с отрешенным видом, держа руки в карманах рабочего комбинезона, – боится, что он его пошлет.

– Э-э-э... Кто кого? – озадаченно спросил Эдди, который вообще перестал понимать, что происходит.

– Теперь уже Гардон – всех, – уверенно ответил радист.

– Что-то я ничего не понял, Кейт, – пробормотал Эдвард. – Ты меня, часом, не разыгрываешь? Кто на мостике сейчас?

– На мостике сейчас Гардон со Стрэйком обсуждают возможность пребывания на борту МНК-17 стажера, которого Валдис на «Торнадо» привез, – доверчиво сообщил радист, – вдумчиво взвешивают все за и против. Я вот не мешаю. А ты в рубку шел?

– Я? Нет, я к техникам, – подозрительно быстро ответил второй пилот «Моники». – У меня сегодня... свет в кабине планетолета вырубился. Вчера электрику прозванивали, а я в темноте – только панель светится. Я пошел. – Эдвард развернулся к лифту. – Вы мне потом все объясните, ладно? Про «Торнадо», про стажера и из-за чего на самом деле Рэд со Стрэйком разлаялись.

– Не поверил, – вздохнул ему вслед Кейт и взглянул на часы. – Все. Пора возвращаться.

В последующие десять дней практики Джой познакомился со всем экипажем МНК-17 и сделал для себя несколько жизненно важных выводов.

Из сорока двух параграфов Кодекса космоплавателей капитан Гардон признает два: «Оказание помощи по сигналу „SOS“ и „Правила поведения посторонних на борту“.

Радист Кейт Фил не любит стажеров.

Первый пилот Джеральд Стрэйк – болтунов.

Со вторым пилотом Эдвардом Геттом необходимо соблюдать крайнюю осторожность в обсуждении подпространственных перемещений. Конек Эдварда – малые бортовые звездолеты. Техники проговорились, что в открытом космосе Гетт проигрывает в скорости Гардону и Стрэйку и тайно страдает по этому поводу.

В сторону штурмана с необычным именем Серж Сент-Фалль Джой первое время даже взглянуть боялся, чтобы лишний раз не попасть к нему на язык.

Единственным членом комсостава, с кем у Джоя никогда не было проблем в общении, оставался только неизменно дружелюбный Виктор Блохин. Единственным доступным видом работ – дистанционное управление модулями забора проб.

И Джой, которого в первый же день «на пробу» пустили за пульт второго пилота, старательно водил неуклюжего М-8 по поверхности. Стрэйк, контролировавший все остальные модули, бился об заклад с радистом, что аппаратура «Моники» не возьмет станцию «Огни эстрады». В процессе поиска «Огней эстрады» Кейт поймал разговор геологов с поверхности Файра, которые отчаянно бранились в адрес служб обеспечения. Перепалка в эфире достигла апогея, и Джой изо всех сил пытался сосредоточиться на работе среди общего веселья, на которое пока не имел права. Вошедший капитан остановился как раз за спинкой его кресла. Вместо того чтобы делать замечания команде, Гардон бросил хмурый взгляд на стажера и сказал:

– Ив, завтра возьмешь все поверхностные модули. Заваливаешь один – идешь охранять технические уровни, поддерживая в них чистоту и порядок до прихода транспортника. Понятно?

– Да, сэр!

– Ну а пилоты займутся, наконец, своей работой...

Под своей работой понимались челночные грузовые и десантные рейсы на орбитальную базу и поверхность Файра. Файр, искусственным спутником которого временно оказалась «Моника», был планетой вулканов и гор. Скальные террасы, хаотическое нагромождение их осколков, медленно сползавших в кратеры с кипящими озерами лавы, и величественные вершины. Раскаленная магма из недр циркулировала внутри горных хребтов словно кровь в артериях, периодически прорываясь вверх и взрываясь над холмами и пиками ослепительными фейерверками. Раскаленные брызги оседали на близлежащих хребтах, придавая им самые причудливые формы и очертания. Горы на ночной стороне планеты с высоты казались россыпью драгоценных камней, щедро раскрашенных всеми оттенками красного: от темно-рубиновых до ярко оранжевых. После первого полета со Стрэйком в десантный лагерь Файра Джою целую ночь снились огненные фонтаны.

Около девяти вечера к Гардону, заступившему на ночную вахту, заглянул первый пилот «Моники».

– Что ты решил с мальчишкой? – напрямик спросил Стрэйк.

– Ничего, – сознался Гардон. – С навыками дистанционного управления у него все в порядке. Ты ж меня уговаривал его сразу не выгонять...

– Знаешь, я взял его сегодня вторым на планетолете. На последний грузовой заход.

– Угу. И что?

– Нормально. По крайней мере не теряется. А мы зашиваемся, капитан.

– Ты все-таки предлагаешь его оставить?

– Я предлагаю не водить парня за нос, Рэд. Через два дня причаливает транспортник.

– Хорошо. Завтра я сам его возьму. Может и оставлю. С условием, что почетную обязанность делать из него пилота возьмете на себя вы с Эдди.

– Хорошо. Завтра я сам его возьму. Может и оставлю. С условием, что почетную обязанность делать из него пилота возьмете на себя вы с Эдди.

– Сделаем, не впервой, – улыбнулся Стрэйк. Капитан сдержал слово.

Джой чуть дара речи не лишился, когда Рэджинальд неожиданно выбрал его себе в напарники. До сего дня капитан предпочитал стажера не замечать, и Джой по возможности старался не путаться у него под ногами. И когда курсант Ив убедился на собственном опыте, что капитаны АСП не любят стажеров, поблагодарил судьбу за девять незабываемых дней, проведенных на борту МНК-17, и уже начал сочинять более или менее правдоподобную

историю о причинах, задержавших начало его настоящей практики, Рэд указал ему на кресло первого пилота катера.

– Заход на орбитальную базу – груз контейнерный. Погрузка автоматическая, без стыковки. Возьмешь на верхнюю консоль, увезешь в северный десантный лагерь, возврат на «Монику». Задача ясна?

– Да, господин капитан, – ответил Джой, нечаянно сел на подлокотник подло развернувшегося пилотского кресла и сполз на сиденье.

– Ты почему в легком скафандре? Приказ руководителя работ тебя не касается?

– Виноват, сэр.

Слава богу, у Джоя хватило ума не сказать: «А вы тоже не в полужестком».

Капитан закрыл забрало гермошлема.

«Ржет надо мной, наверное», – тоскливо подумал Джой.

Все еще улыбаясь, Гардон пристегнулся в кресле второго пилота, демонстративно скрестил руки на груди и, решив, что страху на парня нагнал достаточно, принялся разглядывать медленно удаляющийся борт собственного звездолета. Медленно – не значит плохо. Или значит?

«Монику» сейчас было не узнать ни изнутри, ни снаружи. Незанятыми на борту остались только четыре одноместных люкса, расположенные рядом с каютами командного состава, которые Рэд принципиально не отдал в общее пользование, несмотря на недовольство господина командора. Все двадцать пассажирских кают, половина из которых были двух и трехместными, оккупировали специалисты, прибывшие для работы на орбите и поверхности Файра.

В трехместных временно поселились пилоты-обитальники Вейса – на недостроенном комплексе никак не могли наладить климат-контроль жилых помещений. Гардон представил, что люди сутками не будут вылезать из скафандров, и забрал к себе одно из подразделений в полном составе. В результате из ангара, чтобы запихнуть туда три лишних десантных грузовика, пришлось вывести в космос все орбитальные и планетные модули «Моники», собрав из них настоящую гирлянду. Чаще этими небольшими машинами пользовался технический персонал МНК-17: управление ими не требовало специальной подготовки и контролировалось с центрального пульта несущего звездолета. При желании – и ребенок справился бы. Но теперь, чтобы добраться до нужной машины приходилось пробираться через бесконечный коридор стыковочных тамбуров. А рабочий день начинался с того, что от «гирлянды» отрывалась одна секция за другой.

В ангаре вместо двух штатных бортовых звездолетов стояли сразу пять машин, едва не соприкасаясь бортами. И все равно это не спасало: не поместившиеся грузовики, держась друг за дружку короткими стыковочным «хоботами», утыкались на ночь в буксировочный узел МНК-17, если их экипажи не работали в ночную смену. Все стыковочные узлы в течение рабочего дня были постоянно заняты. На всех наружных захватах (в их гигантских лапах обычно крепился габаритный груз, не помещавшийся во внутренних трюмах «Моники»), выдвинутых на максимум, размещались наполовину смонтированные блоки орбитального комплекса.

«Моника» так обросла чужим железом, что сам капитан едва узнавал собственный корабль под решетчатой шубой недостроенных конструкций, отливающей в свете местного солнца металлическим блеском.

После ночной вахты рабочий день тянулся бесконечно. Рэд зевнул, посмотрел на сидящего рядом стажера, на часы... «Как только у Стрэйка терпения хватает!» – Рэд отобрал у мальчишки штурвал, соврав, что планетарные разведчики просили поторопиться, быстро загрузился и уронил машину в жидкую атмосферу огненной планеты.

Джой поздравил себя с окончанием экскурсии по «Монике» и началом поиска звездолета для прохождения практики согласно базовому списку, но на обратном пути сжалившийся Гардон все-таки вернул стажеру управление капитанским катером со словами:

– Не состыкуешься – лететь тебе завтра в «Вышку» с докладом о проделанной работе. Я серьезно.

И Джой, разумеется, промахнулся.

Над периферийным стыковочным узлом, единственным, остававшимся свободным, нависала ферма орбитального комплекса – очередная почти законченная деталь гигантского конструктора. С другой стороны уже выстраивалась гирлянда из модулей – рабочий день близился к концу. В открытый ангар заходил десантный грузовик орбитальников, а еще один описывал вокруг «Моники» круги, дожидаясь очереди. Ив ощутил острую нехватку воздуха, рванул вперед, чтобы не столкнуться с грузовиком, испугался, что сомнет на такой скорости стыковочное устройство, и принялся отчаянно тормозить. Звездолет развернуло, и он боком прошел в метре от цели. Рэджинальд вздохнул.

– Джой, – негромко сказал он в инком, выйдя из режима общей аудиосвязи, – как ты собираешься работать в пространстве? Надо не на мой капитанский шеврон смотреть в момент маневра, а на рулевое управление. Чем там с вами психологи по четыре года занимаются, не понимаю!

– Разрешите второй заход, сэр?

– Да хоть десятый. Джой развернул машину.

– Эх, выгонит! – сказал Стрэйк, глядя на центральный обзорный экран рубки.

– Не выгонит, – возразил Кейт, – иначе бы уже сам взял управление.

– Жалко. Хороший малыш, покладистый, – ухмыльнулся Блохин, наблюдая за медленно разворачивающимся катером.

– Вить, тут судьба человека решается, а ты... – начал Эдвард. – О, смотри, состыковался! Ну капитан суров. На периферийный стыковочный узел парня загнал!

Через несколько минут в рубке появился Гардон.

– Где юный космопроходец, капитан? – поинтересовался штурман. – Высадил тебя?

– Я заставил его самостоятельно перегнать катер на место.

– Смело, – хмыкнул Серж.

– Экстренный ремонт шлюзов ангара в компетенции старшего техника, – заявил Виктор.

Но в ангар Джой зашел чисто. Гардон официально объявил комсоставу и техническому персоналу, что оставляет его на весь период практики. Только теперь к курсанту начали относиться как к члену экипажа. Конечно, не как к полноправному, но все-таки! Его заваляли работой, и дни полетели с головокружительной быстротой. Транспортники причаливали каждую неделю, но Джой успел забыть, что когда-то ждал их появления с единственной мыслью о бесславном возвращении на базу ВШК. После тридцатого самостоятельного полета в десантный лагерь Файра Джой перестал их считать. Сейчас он был уже твердо уверен в правильности своего выбора: ни на одном другом корабле стажеру не доверили бы и десятой части той работы, которую Ив ежедневно выполнял на «Монике».

В тот день Джою предстоял рейс в район гор – полуколон, пользовавшийся среди персонала орбитальной станции и планетарных разведчиков дурной славой. Ходили упорные слухи, что даже опытные исследователи возвращались оттуда в беспомощности, проплутав не один час. И это – несмотря на наличие радиомаяков и подробных карт района. Реальные события, послужившие источником легенд, уже никто в точности воспроизвести не мог. Зато под вечер, в кают-компании технического отсека не уставали рассказывать о загадочных огненных колоннах и гигантских полупрозрачных шарах, реющих над горами в сумерках. Гардон не хотел ставить Джоя вторым пилотом и отпускать их вдвоем с Эдвардом, но Стр-

эйк накануне получил травму. Во время разгрузки на Файре с плохо закрепленной стартовой платформы сорвалась одна из опор десантного грузовика. Платформа встала на дыбы, и только чудом никто серьезно не пострадал. Предоставив Стрэйку двое суток отдыха, Рэд-жинальд второй день без передышки разрывался между обязанностями пилота и администратора.

– В рейс на планетолете Эдвард и Джой.

– Ладно тебе, капитан, – попробовал возразить Стрэйк, самовольно покинувший медицинский отсек. – Сяду вторым, Эдди меня прокатит по старой дружбе. Или Сержа поставь. Где он, кстати? Опять шляется, где попало!

– Нет, на сей раз все по-честному, – вступился за штурмана радист. – Час назад ушел на орбитальном модуле вакуумный монтаж страховать.

– Так бы и сказал: вакуумных монтажниц. Знаем мы, чего он там боится, – проворчал Стрэйк.

Гардон, всю вторую половину дня отработавший на злополучном десантном грузовике, даже не успел сменить скафандр на летный комбинезон. И с инженерным терминалом орбитальной базы, откуда второй день не мог выбраться погрязший в чужих технических проблемах Виктор Блохин, Рэд связался, все еще стоя посреди рубки.

– Я против кандидатуры Стрэйка, – заявил Виктор в коммуникатор. – С таким количеством синяков и ушибов нечего делать в пилотском кресле. Гони его обратно в медотсек, Рэд. Я скоро буду, посмотрю еще раз. У нас не аврал. Без вас прокатятся.

Вопрос был решен.

– Джой, не вздумай просить у Эдварда управление. Первым пойдешь в другой заход, – предупредил Гардон. – Эдди, не снижайся без необходимости. Съемка, установишь маяки, два зонда – и сразу назад.

– Хорошо, капитан. Я думал, ты не веришь в рассказы обслуживающего персонала.

– У вас десять минут до вылета.

Рэд наконец дошел до капитанского кресла «Моники», в роли координатора навел на орбите Файра бледное подобие порядка, и теперь, не отрываясь, смотрел на индикатор слежения. Строго-настрога приказав пилотам не отключаться, он сейчас слушал их голоса. Планетолет почти полз по поверхности планеты – Эдвард был неисправим. Зато за качество установки маяков волноваться не приходилось. Ив и Гетт, впрочем, вели себя идеально: никаких посторонних разговоров. На обзорном экране разворачивался удивительный ландшафт, транслируемый с передней камеры планетолета.

– Эдвард, поднимись. Брюхо царапает, – сказал Гардон.

Слова капитана неприятно резанули слух, и отдались в голове Джоя многократным эхом.

– Здесь огненные гейзеры, капитан. Торчат вертикально, прямо из грунта! Сейчас отлажу картинку.

– Я и так вижу, Эдвард. Поднимайся!

– Да, сэр. Мы спускаем туда еще один зонд и уходим.

Слово «уходим» вдруг обрело объем и грязно-коричневый цвет, разрослось до невообразимых размеров и лопнуло, оставив едкий запах горящего пластика...

Стажер с трудом разлепил веки. Гетт метался по кабине с бластером наперевес и, затравленно озираясь, палил в пульт.

Ив судорожно выцарапался из ремней, вскочил и закричал, глядя, как прицельный зайчик весело заскакал в его сторону по искореженной стене, когда Эдвард развернулся, не выпуская оружия из рук.

Джой подавил желание снова забраться в кресло и спрятаться за спинкой. Это было все, что он смог сделать осознанно.

Тело вдруг напружинилось, перегруппировалось и приготовилось к прыжку. Еще ничего не соображая, Джой рефлекторно рванул вперед, словно к спарринг-партнеру в спортзале «Вышки», и одним ударом сбил Гетта с ног. Трясущимися руками стажер подобрал бластер, перекинул его ремень через шею и метнулся к аптечке, бросив взгляд на пульт. Планетолет валился в трещину, бог знает откуда взявшуюся посреди равнины. Большая часть аппаратуры имела повреждения. Отбросив аптечку, Джой прыгнул в пустое кресло первого пилота, размазав спиной серебристо-черные брызги изоляции.

– Крен сорок шесть градусов, нет стабилизации и маршевой тяги, – ритмично повторял бортовой компьютер.

Ив включил маневровые двигатели в режим зависания – получилось – и снова бросился к Эдварду, с разбегу упав перед ним на колени. Пилот лежал на полу теперь совершенно неподвижно и, кажется, даже не дышал. Джой, как был на четвереньках, так и пополз к аптечке первой помощи, откатившейся к стене.

– Закрепите инжектор на правом плече пациента и загерметизируйте скафандр пострадавшего, – посоветовал мелодичный женский голос, перебив унылые сообщения БК, перечислявшего вышедшие из строя системы. – Внимание. Идет диагностика и коррекция функций.

Щелкнул инжектор, Эдвард шевельнулся и затих. Пол планетолета опять пришел в движение, динамик зашипел в ухо разъяренной кошкой, взвыл и затрещал. Джой, державшийся за подлокотник, чуть не разжал пальцы от неожиданности. Это травмированный бортовой компьютер наконец предоставил ему канал экстренной связи с несущим кораблем.

– «Моника»... – шепотом позвал Джой, стоя на коленях, – помогите мне...

Шуршащий в динамиках белый шум лучше любого индикатора демонстрировал отсутствие связи как таковой.

«Капитан... Рэд, мы же падаем!» – отчаянно крикнул стажер, обняв спинку своего кресла. Вслух или про себя – уже не имело значения.

Как ни странно – это помогло. Ив перестал метаться и застегнул на шее замки гермошлема. Он с трудом перебрался на место Эдварда. «Ох ты! Я ниже нулевого уровня. Двадцать метров... Черт!» Какая-то сила тащила его вниз, в каменный колодец. Скалы, мерзко взвизгивая, скрежетали по обшивке звездолета, оставшегося без защитного поля. Джой запустил маршевые двигатели по аварийной цепи.

Собственно, он должен был сделать это сразу же. Его этому учили. Сначала – спасать корабль, затем – разбираться с теми, кто еще жив на его борту. Его четыре года учили этому на теоретических занятиях, неустанно моделировали нештатные ситуации на тренажерах и ставили высшие баллы, когда он лихо боролся за герметичность и ходовую часть своего псевдозвездолета, не дрогнув и не оборачиваясь на однокурсников, изображавших агонию.

Планетолет замер и неуверенно пошел вверх. Выла сирена утечки кислорода, и что-то жалобно скреблось по металлической шкуре корабля, просясь на борт. Подача изображения накрылась сразу же. Стажер мог ориентироваться только по радарам. Они обозначили вертикальный разлом и нечто, постоянно трансформирующееся на его дне. Там, где кроме магмы, ничего не могло шевелиться. Идентификатор объектов настойчиво предлагал дополнить локационную картину видеорядом для верификации объекта.

– Семь метров до поверхности... шесть... пять... четыре...

– Вверх, – шептал Джой. До трансформации на дне трещины ему не было никакого дела. Ив не хотел работать в пространстве. Он жалел, что выбрал профессию пилота космолота, к которой, как выяснилось, оказался полностью непригоден. Он почти сломался, намертво вцепившись в рифленый изгиб штурвала. Он хотел наверх.

– Ноль.

Планетолет бросило вбок. Стажер мысленно поблагодарил своих наставников за то, что они вбили ему в голову привычку всегда пристегиваться в кресле пилота. Сколов край скалы и помяв борт, корабль понесся над равниной. И только тогда Джой сообразил, что это буксировка и он спасен. Про Эдварда он забыл.

«Атмосферная стыковка есть наиболее сложная операция по соединению двух и более звездолетов...» – бестолково крутилась в памяти фраза из учебника. Над люком загорелся зеленый треугольник, Джой по инструкции выключил двигатели, и корабли тотчас сели на поверхность Файра, неуклюже накренившись.

Ив, словно впервые, увидел развороченный пульт, с которого стекала кремовая пена, скапливаясь на полу коричневатыми испаряющимися лужицами. Сам он тоже был весь мокрый, обессиленный, оглушенный. И единственным звуком в наступившей тишине был звук отъехавшего в сторону люка. Капитан выпрыгнул из шлюза, но Ив даже не попытался подняться ему навстречу.

– Джой, – очень медленно проговорил Гардон, – пожалуйста, поставь оружие на предохранитель.

Джой вздрогнул и сообразил, что у него на шее все еще болтается бластер Гетта. Он торопливо выполнил приказ, вскочил и забросил лучемет за спину.

– Сэр! Вард сейчас без сознания... Я не знаю, что произошло. Но я...

Рэд убрал руку от кобуры на бедре и жестом остановил Джоя, уже приготовившегося начать длинный и путанный рассказ.

– Давай перетащим его в катер. Там есть медицинский бокс-автомат. Закончим с Эдвардом – представишь рапорт в развернутом виде, – сказал капитан. – Бери за ноги.

У Джоя возникло ощущение, что он вывозился, играя в песочнице. И взрослые теперь справедливо требуют объяснений: каким образом за полчаса их милый, благовоспитанный и сообразительный мальчик превратился в страшилище, умудрился испачкать штаны и сломать все новые игрушки. Ив, при всем желании, не смог бы сейчас связно рассказать о случившемся даже родной матери. Несколько минут они молчали. Рэд уселся в кресло первого пилота катера и никаких наводящих вопросов задавать не собирался. Он даже забрало гермошлема не открыл. Джой вздохнул.

– Сэр, мы шли над долиной. Я на какое-то время потерял сознание... увидел, что Гетт мечется по кабине с бластером наперевес и мне... – стажер запнулся, – пришлось его ударить, чтобы он не разнес пульт... Нас потащило в пропасть. Я хотел выбраться на маневровых, затем вроде бы услышал приказ запустить маршевые. Получилось только по аварийной цепи. И потом я не сразу сообразил, что включен энергетический захват.

– Поработал сегодня первым пилотом? Что ж... боевое крещение.

Джою показалось, что Рэджинальд говорит с издевкой. И неуместная ирония вызвала в нем горячую волну обиды. Джой вдруг разозлился на весь свет: на себя, на Гардона, на проклятое нечто на дне пропасти, из-за которого он выглядел сейчас полным идиотом. Хорошо, если Рэд поверил, что Гетт свихнулся первым. Бластер в итоге оказался в руках стажера! Иву хотелось кричать о том, что здесь, всего в нескольких километрах, притаился неведомый враг, а Гардон, рассеявшийся в кресле первого пилота, даже не пытается что-либо предпринять!

– Возвращаемся, Джой, – сказал Рэд. – Ты как? Готов?

– Д-да, господин капитан.

– Ну и хорошо. Пристегнись. «Моника», это Гардон. Мы идем в стыковке. К шлюзу Блохина с носилками. Заложите в систему орбитального оповещения запрет на вход в район западных полукольцевых гор.

Капитанский катер приподнялся над поверхностью планеты, все выше задирая нос пристыкованного планетолета, наконец оторвал от поверхности пострадавшую машину и боком потащил над холмистой равниной, дымящейся испарениями вулканических газов.

На десяти тысячах метров у Гардона заломило в висках с такой силой, что к горлу подкатила тошнота.

– Сэр, вы ничего не чувствуете?

Рэд молча расстегнул кобуру на бедре. Сквозь опущенное забрало гермошлема он не мог видеть, как расширились зрачки его юного напарника.

– Джой, – через силу сказал капитан, протягивая оружие рукоятью вперед, – возьми-ка пока себе. «Моника»! Слышите меня? Кейт?

Ив тихо охнул. Рэд поднял голову. Над ним красовался огненный шар. Даже не шар, а какая-то безобразная кочковатая голова, вся в оранжевых сполохах. Посредине имелась неправильной формы щель. Вместо шеи торчал внушительный букет щупалец, различных по длине и диаметру, тоже ослепительно полыхающих. Вдобавок шар имел очень напони-навший нимб ободок серого цвета, пронизанный красным и розовым свечением, слепившим глаза.

– Господи... – выдохнул Рэд, глядя, как это что-то или кто-то заполняет собой весь экран. Ив закрыл глаза и отвернулся.

Первым очнулся Гардон.

– Джой, черт возьми! – заорал он, стряхивая с себя ощущение липкой скованности. – Разворот с учетом сцепки! Наведение на цель. Не спать!

Окрик капитана вернул стажера к действительности. Он схватился за штурвал, Гардон за систему наведения. И началось... Тварь, оказавшаяся потрясающе маневренной, металась перед ними, не выпуская из атмосферы. Плазменные носовые пушки капитанского катера причиняли ей массу неудобств – и только. После очередного попадания щупальца вздрагивали и снова тянулись к кораблям. Рэд проклинал себя за то, что не заменил стандартное вооружение своих малых бортовых звездолетов на аннигиляционное и ругался как сапожник.

– А еще говорят, что в космосе нет чудес! Только физико-химические реакции и биологические объекты. Вас так учили, Джой?

– Примерно...

– Не вались на прицел!.. И что это, по-твоему, реакция или объект?

– Не знаю, сэр!

– Джой, – вдруг сказал Рэд, озаренный внезапной идеей, – держи штурвал! Не давай щупальцам опутать стабилизаторы. Подставляй планетолет, пусть за него цепляются. Не бойся, я сейчас вернусь.

Гардон скатился по стыковочному тамбуру. Раз не имело смысла стрелять по огню, следовало включить систему внешнего охлаждения, которой были снабжены все малые транспортные средства на Файре по личному приказу руководителя работ командора Вейса. Тогда Рэд страшно злился, считая такое переоборудование излишней предосторожностью, задержавшей несколько рейсов исследовательских групп. Сейчас вся надежда была на то, что система сработает, потому что корабли стремительно теряли высоту. На пяти тысячах капитан добился от разбитого бортового компьютера планетолета готовности к запуску программы наружного пожаротушения и выбрался обратно.

– Качественно маневрируешь, малыш. Ничего не скажешь, – еле выговорил он, повалившись на свое место. – Так без командира останешься! Разреши.

На трех тысячах Рэд взял управление, сбросил скребшее по обшивке щупальце на планетолет, позволив зацепиться за его двигательный отсек целой своре более коротких отростков.

– Внимание, малыш! Расстыковка... Разгон!

Взревели двигатели. Планетолет, оставленный в клубке шупалец, был залит холодными пенообразователями, и Рэд, развернув свою машину прямо на вертикали, безжалостно всадил ему в дюзы плазменный разряд. В атмосферу полетели обрывки шупалец и обломки планетолета. Раненая тварь беспорядочно заметалась. В ушах стоял пронзительный высокочастотный вой. Джой валялся в кресле второго пилота и не ответил, когда капитан окликнул его. Рэд вырвался на первый орбитальный уровень, установил режим автовозврата и закрыл глаза.

Учеба в школе Рэджинальду давалась легко. Он частенько витал в облаках, грезил региональным чемпионатом по плаванию, параорбитальными гонками и космическими рейдами. Одновременно. На выпускном вечере наставник сказал ему: «Если вы хотите попасть в космос, милорд, вам придется стать реалистом. Мне бы очень хотелось посмотреть, существует ли для вас такая возможность». И Рэд впервые решил серьезно поговорить с отцом и матерью о собственных перспективах. Родители должны были вернуться еще два дня назад, но рейс задержала Служба космической безопасности.

Он пришел домой, от нечего делать включил новости, увидел список пассажиров, погибших во время теракта на пассажирском лайнере «Радуга», и заглянул в бездну. Рэд снова и снова переключал каналы, затаив дыхание, боясь спугнуть надежду, пока не прослушал сообщение от начала до конца. Но даже тогда – не поверил.

Видефон сыграл бодрую мелодию, Рэд вздрогнул и машинально ткнул в него пальцем. Звонила двоюродная сестра отца.

– Боже мой, какая трагедия! – зашебетала она. – Какая ужасная трагедия. Я все еще не могу прийти в себя. Бедный мальчик! Через два дня я, наверное, буду в районе Южного мыса и обязательно к тебе загляну... Ах, как это все ужасно.

Рэд разорвал соединение, но забыл выключить спикерфон.

– Здравствуйте, – проникновенно сказал темный дисплей, – с вами говорит региональный центр психологической поддержки подростков.

Рэд разбил аппарат, выскочил из дома на берегу и, всхлипывая, побежал к морю. Но море не горевало вместе с ним. В блеске раннего утра лазурные волны ласково лизали берег частного пляжа. У причала призывно покачивался дорогуший отцовский катер...

Если бы Рэджинальд не разбил тогда видефон, если бы побродил по пляжу немного дольше – возможно, его судьба сложилась бы совсем по-другому. Но он вернулся, проскользнул мимо громадного зеркала в гостиной, пугающего своей бездонной пустотой, собрал вещи и ушел, как ему тогда казалось – восстанавливать справедливость. И довольно долго верил, что у него получается. Пока не понял, что оказался одной из пешек в чужой игре без правил.

Рэджинальд не сжигал мосты, вступив в действующую наемную армию. Они сами загорелись, стоило ему появиться в рекрутском пункте, взяв девичью фамилию матери – Гардон – и накинув недостающий год. Войны Второй Волны были в разгаре и к добровольцам особенно не придирались, вбрасывая их, почти не обученных, в эпицентр боевых действий. Посмотрев на красивый разворот плеч, Гардону поверили, и даже определили в десант. В последующие месяцы непрерывных боев он выжил один среди новобранцев части вовсе не потому, что умел выживать лучше других. Откуда ему тогда было взяться, этому умению? Будущего капитана спасло увлечение параорбитальными гонками. После двухнедельной переподготовки его поставили пилотом на десантный модуль. Рэд освоился очень быстро. Сквозь плотный заградительный огонь планетных оборонных комплексов и боевых кораблей он раз за разом проскакивал практически без повреждений. И командир взвода берег его в бою как залог возвращения на несущий звездолет. Стать реалистом оказалось

труднее: после того, как их часть сожгла мирное поселение на Эвионе, Рэд дал командиру по зубам прикладом своего «Карата-41».

Малый бортовой звездолет стоял на платформе. Блохин открыл его снаружи ангарным паролем, и в проеме люка появилась его лохматая голова.

– Есть кто живой? – спросил Виктор.

Капитан отбросил ремни и поднялся ему навстречу.

– Займись ими...

Гардон выбрался наружу, пропустил двух техников с носилками и прислонился спиной к обшивке. Мимо под руки провели Джоя. На соседней площадке около готового к старту пилотируемого модуля стоял Стрэйк. Он был в полной экипировке, только гермошлем полужесткого скафандра гармошкой сброшен назад. Старший техник Белтс проверял вновь приведенные в действие стопорные элементы платформы. Первый пилот бросил на капитана неодобрительный взгляд, развернулся, блеснув светоотражателями скафандра, и пошел в раздевалку.

– Тебя Вейс обыскался, – не оборачиваясь, процедил он в коммуникатор скафандра. – Свяжись с ним.

– Спасибо, Джери.

Гардон вспомнил, что перед вылетом сгоряча нахамил Блохину и Стрэйку – теперь неделю будут дуться. Насобирали приключений на свою голову под конец рабочего дня, что и говорить.

В медотсеке Блохин уже сворачивал диагностический комплекс «Сатурн».

– Как они? – спросил капитан.

– Нормально. Выпустил их отсюда минут десять назад. Все равно рабочий график уже сорван. Тут же ринулись в рубку рассказывать о своих подвигах.

– Оба?

– Оба. Ты сам-то как? Ожил или чем помочь?

– Нормально. Как и положено бывалому космопроходцу... Пойдем на мостик сходим. Послушаем, что такого интересного могло случиться с Эдди, если в итоге мы грохнули планетолет.

– Эксплуатационная гибкость оборудования! – Блохин многозначительно поднял палец вверх. – Какой, однако, глубокий смысл ты сегодня вложил в банальное словосочетание, капитан.

– Отстань, без тебя тошно, – отмахнулся Гардон. – Еще раз скажешь перед вылетом: «У нас не аврал» – за шлюз выброшу.

– Ты... – Виктор замялся, – с Эдвардом помягче, ладно? Без всяких там «мастер пилотажа», «не с телеги слез» и всего такого прочего. Парень только из шока вышел. Расстроенный – дальше некуда... Слышишь, Рэд?

Когда капитан и Виктор вошли в рубку, обсуждение случившегося было в полном разгаре. На пульте и под ним стояли полные и пустые банки пива соответственно.

– Простите, сэр, обсуждение стихийно началось в отсутствие капитана, – сказал штурман, – по моей личной просьбе.

– Что-то сегодня слишком много событий происходит стихийно. О чем речь?

Ив вскочил с капитанского кресла, в которое его временно усадили как героя дня, не имевшего своего постоянного места в рубке.

– Что значит молодость! – хмыкнул Серж. – Я бы после такого денечка не встал даже перед Дорвардом.

– Сиди, – подтвердил Рэд, опустившись на место бортинженера.

Блохин только руками развел.

– Эдвард, я тебе сколько раз говорил с запасом высоты летать? Хотя... если дальше упорствовать – и это не спасет. Летать не на чем будет. Слушаю тебя.

Джой счел за лучшее остаться на ногах, Эдвард встал рядом. Кто шел первым пилотом в рейс – тому и докладывать.

– Виноват, сэр, – Гетт прикусил губу. – Орбитальники не зря говорили, что там живет что-то! Скажи, что ты бы ушел, Рэд... когда вот она, разгадка...

– Спорит еще, – заметил Джеральд, поставив на пол пустую банку.

– Я бы ушел, – сказал Гардон.

Просьба Виктора о снисхождении по медицинским показаниям возымела действие, и Рэд заставил себя остановиться на полуслове. Эдвард молчал. На его широких скулах проступил румянец. Реплика капитана, относящаяся, в общем-то, к выполнению приказов, была воспринята им как намек на превосходство. И, возможно, не без причины.

– Что-то, Виктор, у нас «уборщики» не шевелятся совсем, – неожиданно посетовал Стрэйк и катнул жестянку по полу. – Скажи Белтсу. Увлёклись ребята полетами на модулях, никакого порядка на борту не стало... Что за тварь-то, Эдди?

Банка, позвякивая, докатилась до желтого квадрата, деформировалась и начала медленно всасываться в пол. Эдвард встал у центрального обзорника, кивнул Джюю – продолжишь – и начал говорить, используя видеозапись для иллюстрации.

В центре одного из округлых провалов, которыми пестрела долина, в режиме сканирования действительно определялась уходящая в недра трещина, заполненная чем-то аморфно-текучим, не похожим на остальные породы по структуре. В видеорежиме монстр не отличался по окраске от окружающих гор. Настолько не отличался, что ни один из участников дискуссии не смог указать нужную трещину, стоило убрать компьютерную метку.

– Да уж... Найдите десять отличий, – пробормотал штурман.

Оранжевые столбы расценили как сторожевые шупальца. Гардон подтвердил предположение, рассказав, как он пообрывал часть из них об острые края расщелины, когда тащил планетолет на энергетическом лассо. Эдвард, как оказалось, стрелял не в Джюю и не в пульт, а в привидевшуюся ему крылатую тварь, смахивавшую на малинового птеродактиля.

Когда развернули изображение монстра, он удивительным образом превратился в зеленоватую амебу с желтым ободком. Неизменными остались только шупальца, к которым с этой стороны добавились короткие толстые псевдоподии. Точные размеры осьминога-амебы определить не удалось, так как он постоянно менял объем. Но подтвердилось, что температура его тела и в самом деле достигала почти тысячи градусов по Цельсию.

– Да-а. Дела... – покачал головой Стрэйк, потирая ушибленное накануне плечо. – Не может быть, просто потому, что быть не может. Горячий двойной осьминог, живет в подземном озере магмы, воздействует на психику и летает не хуже истребителя!

– Скорее уж кальмар, – возразил капитан, – если учитывать принцип движения в атмосфере.

– К тому же вызывает мощные помехи, – добавил Фил. – Мы тебя почти не слышали, Рэд. Вот, полюбуйся, что творилось в эфире, пока вы воевали с нечистью.

Рубку заполнили шум и треск, сквозь которые пробивалась незатейливая песенка «Огней эстрады»

– А связь в окрестностях Файра всегда была отличная! – продолжил Кейт, обернувшись к Джеральду. – С тебя ящик пива, Джери.

– Что? – опешил первый пилот.

– Я говорю, «Огни эстрады» моя аппаратура берет даже из этой дыры.

– Друзья, называется, – загудел Блохин. – Последние штаны друг с друга снять готовы. Сто лет назад ведь спорили!

– Погоди, он с меня еще проценты возьмет, – вздохнул Стрэйк, вспомнив давний спор, – вот увидишь.

Джой и Эдвард по-прежнему стояли навтыяжку посреди рубки.

– Поскольку в ситуации без дополнительных исследований нам разобраться не удастся, – подытожил Рэд, – всем отдыхать. Вейс приостановил плановые работы на сутки. Планетарные разведчики прочесывают район полукорон по периметру и снимают показания с наших зондов. Пока не дадут заключение о безопасности других участков, мы свободны. Отдыхать не в рубке!

И он, сощурившись, посмотрел на Блохина.

– Не надо так смотреть, капитан. В прошлый раз кто-то сигаретой прожег мне кресло. Вы завалили каюту объедками и перегрузили дымом вентиляционную систему. Я тебя и этих старых пьяниц больше на порог не пушу. Смотри, сейчас они кровь друг другу начнут пускать.

Кейт Фил и Джеральд Стрэйк как раз перешли от спора о мощности передающих станций к старинным карточным долгам.

– Вить, пощади, – взмолился Гетт, убедившись, что гроза пронеслась мимо, – ты мой единственный антистрессовый фактор на сегодня! Птеродактиль напал, стажер в ухо заехал. Капитан за планетолет чуть не убил. Должно же в моей жизни произойти хоть что-то хорошее!

– Пощади, пощади, – передразнил Блохин. – Меня из-за тебя пытались скафандровым сапогом в живот пнуть! Когда я поинтересовался, не помочь ли чем...

– Не надо приставать на стартовой платформе с дурацкими вопросами, – ухмыльнулся Гардон. – А ты, Эдди, лучше бы режим сканирования включал вовремя.

– Я включал, Рэд. Ты же только что мою запись видел! – сказал Эдвард.

– Если включал – хрен ли не смотрел?

– Пойдем, выпьем, – предложил бортинженер.

– О! Первая здравая мысль, – сказал подошедший штурман. – Пойдем, Виктор. Груби-яны-пилоты не понимают твоей тонкой душевной организации. Так и быть, я заскочу в бар по дороге к твоей каюте. Ваши вкусы я уже изучил.

Блохин понял, что не отвертится и вышел из рубки в сопровождении Сержа и Эдварда. Джой вернул капитану бластер и тоже собрался уходить, но Гардон, так и оставшийся сидеть на месте бортинженера, притормозил его на выходе.

– Ив, задержись на минуту. До начала твоей первой пьянки на борту моего звездолета времени еще навалом.

– Да, сэр.

– Ответь мне на один вопрос: ты когда-нибудь занимался нетрадиционными науками?

– Нет, господин капитан.

– Когда вы полетели в трещину, ты звал на помощь?

– Да, господин капитан. – Джой совсем смутился. – Я плохо помню этот момент, сэр. Кажется, я звал вас... по имени. – Ив был готов провалиться сквозь землю.

– И ты слышал, как я приказал запустить маршевые двигатели?

– Да.

Джою вдруг расхотелось проваливаться под землю. Он уловил, почему капитан учинил ему допрос.

– Но ведь связи не было! Как же вы... Как же мы слышали друг друга?!

– Вот именно, малыш. Однажды странный тип, с которым меня свела судьба, пытался прочитать мне целую лекцию о всяческих чудесах, телепатии и потусторонних явлениях. Я ему не поверил. Поневоле задумаешься...

– У меня... У меня нет достойного объяснения событиям, сэр.

– Что ж, тогда спишем все на осьминога. Потому что тот философ-оборванец, хоть и обладал неведомой властью над людьми, погиб все-таки как бродяга. Ты свободен, Джой. Спасибо.

Гардону вспомнились бесконечно серые стены камеры и внезапно распахнувшаяся дверь. На пороге стоял человек в одежде заключенного. Рэд невольно зажмурился. В светлом дверном проеме незнакомец казался облаченным в прозрачный серо-голубой плащ.

– Ты кто?!

– Я – твоя надежда, – весело и нараспев заговорил гость. – Я – ветер странствий, которому имя – Юн. Пойдем.

– Куда?..

– Странствовать, конечно!

– Ты псих, – разочарованно сказал Рэд. – Сейчас здесь будет целая свора охранников.

– Охранники смотрят сны, потому что я решил уйти отсюда. А ты, похоже, не веришь в судьбу, Рэджи.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Я знаю многие имена, но какое это имеет значение? Наступает великий день. И напоследок я решил подарить тебя миру. Я долго думал, глядя на тюрьму. Здесь горела не единственная свеча, но выбор всегда не прост...

– Что ты несешь? Убирайся! У меня нет свечей...

– Неважно. Звездные часы уже бьют полночь. Решай. – Юн вдруг заговорил совершенно нормально и свечение, померещившееся Гардону из-за лившегося из коридора света угасло, – на нашем ярусе беспорядки. В суматохе будет легче проскочить на стартовую площадку. Если ты действительно хороший пилот, каковым себя считаешь, у нас есть шанс. Непосредственную охрану взлетного поля я возьму на себя.

– Я не смогу идти, – через силу сказал Рэд, посмотрев на окровавленную повязку на ноге – результат неудавшейся попытки к бегству.

– Иди след в след, – ответил Юн и вышел из камеры, оставив на полу ослепительно-голубые следы.

Рэд дополз из своего угла до первой голубой кляксы и неуверенно поставил туда правую ногу. Боли не было. Когда беглецы отсиживались в пищевом блоке, Юн и прочитал Гардону знаменитую лекцию про великие силы баланса энергий, светлые и темные пути космоплавателей, джунгли Земли-1 (оставленной с открытием и освоением системы Аналогов) и рассказал еще что-то про самого Гардона. Но у Рэда кружилась голова от слабости, он плохо понимал суть разговора и не был твердо уверен, что не спит.

* * *

Когда Джой вошел в каюту бортинженера Джеральд поставил перед ним стакан со словами:

– Кто не пил – тот продаст. Остальное – по самочувствию.

Отказываться, видимо, здесь было не принято. Джой неуверенно поднес стакан к губам и выпил, не почувствовав вкуса.

– Ты в карты играешь?

– Не очень хорошо.

– Молодняк, – безнадежно вздохнул радист из-за стола, за которым азартно резались штурман, Вард и Стрэйк, отвлекшийся только чтобы угостить Джоя. Виктор, как истинный хозяин пропал в хозблоке своей каюты, организовывая закуски. Джой прошел к нему на «кухню».

– Привет, чем помочь?

Слова неожиданно обожгли горло. В груди обнаружился маленький теплый уголек, растекаясь, ручейками искр пронесся по сосудам, просочился в головной мозг и вытеснил оттуда огненного осьминога и мертвенно-бледное лицо Эдварда, распростертого на полу планетолета.

– Ничем. Садись. Картежника из тебя еще не сделали?

– Не дался.

– Кремень. Ну хоть напоили?

– Ага, напоили.

– Кидай сюда бутерброды. – Блохин подвинул ему тарелку. – Куришь?

– Нет.

– И правильно, а то будешь как Кейт – сигареты изо рта не выпускает. Да и Гардон в этом отношении тоже тот еще образец для подражания. Где он, кстати? Разгон тебе устроил? Эдварда-то мы с Сержем утащили...

– Нет, кое-что уточнил, – уклончиво ответил Ив. – Слушай... когда мы причалили, он в сознании был?

– Кто?

– Рэджинальд.

– Да. А что, есть подозрения? – Виктор водрузил на стол огромный благоухающий пирог, извлеченный из типового молекулярного синтезатора.

– Ну ты талант! Я и не думал, что здесь так можно, – восхитился Джой, в восторге оглядев произведение кулинарного искусства. – Подозрений нет. Просто какой-то он сегодня... не такой, как всегда.

Ив старательно закрыл рот, опасаясь в расслабленном состоянии сболтнуть лишнего.

– Ерунда. Бывает с ним после перегрузок. Если приглядеться, Рэд всегда немного прихрамывает. Общеизвестный факт: когда-то из бластера попали. Ну-ка, открой бутылку.

У Джоя появилось ощущение, что бортинженер знает больше, чем хочет сказать. И он специально перевел разговор в другое русло. Джой выбрал самый безобидный из нескольких десятков вопросов, водивших в голове легкомысленные хороводы, и быстро спросил:

– А ты давно с ним знаком?

– До противности. Мы еще в Службе спасения вместе работали под командованием доблестного командора Пайнтера. О, привет, легок на помине, – кивнул Виктор вошедшему капитану.

– Давай быстрее со своей кухней, – хмуро сказал Рэд. – Негодяи из Ассоциации решили оставить меня без ужина. Выслушав сообщение, они заявили, что через час я должен представить подробный отчет о случившемся в СКБ, дежурному по сектору. И Вейс туда же! Нотации мне читал о порядке взаимодействия со спасательным отрядом орбитального комплекса в случае непредвиденных обстоятельств. Я же еще и виноват оказался. Можно подумать, я этих тварей сам сюда привез! Как дела, Джой? – обернулся он к стажеру. – Кормят? Не обижают?

– Жаловаться не на что, капитан.

– Так. Это что у вас открыто, водка? – Рэд взял пустой стакан, наполнил на треть и выпил залпом.

– Нет, уксус, – буркнул Блохин. – Оставь бутерброд! Они у меня сосчитаны.

– Жадина и склочник, – констатировал Гардон. – Джой, пойдем. Надо кое-что обсудить, пока комсостав в здравом уме и твердой памяти.

Ив чувствовал себя виноватым. Он еще не имел права участвовать в облете неисследованных планет в качестве пилота. И Гардон, доверявший ему управление малыми бортовыми звездолетами действовал исключительно на свой страх и риск. Следовательно, любой несчастный случай с Джоем грозил капитану, как минимум, строгим взысканием.

- Джери, – позвал Рэд.
- Что? – откликнулся Стрэйк, не отрывая взгляд от карточного веера.
- Через час рапорт в СКБ.
- И что?
- Отвлекись! Вот что.
- Первый пилот поднял на него ясные глаза.
- Капитан, ради бога, не порть вечер. Скажешь, что я был с Геттом. Кейт смоделирует голоса...
- Кейт?
- Опять, – вздохнул Фил, – опять нам с бортинженером все бортовые самописцы разбирать!
- Рэд, я лично объясню техникам, что врать на случай инспекции, – заявил Блохин, появившись на пороге с пирогом и бутербродами. Карты не выдержали столь сильной конкуренции и были поспешно сметены со стола. Капитан выпил еще, уже вместе со всеми, вместо закуски стрельнул у Кейта пару сигарет и направился к выходу.
- Эй, – окликнул его Джери, – поесть забыл!
- Потом, – отмахнулся Гардон.
- Рэд, – поддержал Стрэйка штурман, – ты сейчас должен безупречно выглядеть и хорошо говорить, иначе все наши подлоги... Сам понимаешь.
- Наплевать! – отрезал капитан в дверях. Створки сомкнулись.
- В поиске как-то три модуля угрохали, – негромко сказал Эдвард, обращаясь больше к Стрэйку, чем ко всем остальным. – Рэд отстегнул Дорварду, Лари с Новаком в госпиталь отправил с глаз долой – и все! – Он взялся за бутылку. – Что это с ним сегодня? Как подменили!
- Ничего, – ответил Блохин, – выпится – разморозится. Ты спиртным не увлекайся...
- И у Джоя снова появилось ощущение, что Блохин лучше, чем кто-либо понимает Гардона.

* * *

В отличие от капитана, Блохин был баловнем судьбы от начала и до конца. Его отец занимал довольно высокий пост в правительстве Аналога-2 и обеспечил сыну исключительно счастливое детство. Увлечения Виктора Евгеньевича не поддавались подсчету. По окончании школы он вдруг возжелал стать врачом. Вырвавшись из-под родительской опеки, гарантировавшей ему учебу в любом самом престижном вузе, Виктор сбежал с родной планеты на Аналог-3.

Пока семья пребывала в шоке, Блохин научился профессионально оказывать первую помощь, стал студентом медицинского факультета, бросил его, получив фельдшерский диплом и чуть не женился на хорошенькой медсестричке. Та оказалась девочкой ушлой, быстренько разнюхала, кто родители ее избранника и проходу ему не давала.

Тут-то Виктор и осознал, что не сможет отдать медицине весь свой творческий потенциал. Он вернулся на Аналог-2, поступил в Академию космических технологий и с успехом ее закончил без какой-либо поддержки со стороны родственников, не одобрявших выбор. А вот распределился в Службу спасения все-таки по протекции. Родители сочли это меньшим из зол, испугавшись, что их непутевого сына поманит романтика дальней разведки. Отец, проконтролировав назначение, пребывал в полной уверенности, что Блохин-младший останется в инженерной группе базы спасателей, а сын тут же написал рапорт о переводе в летное звено. Пилотажной практики у него тогда не было никакой, зато имелся на руках

диплом о среднем медицинском образовании, который сыграл решающую роль. Шеф подумал и согласился.

Гардону исполнилось к этому времени двадцать шесть лет, Виктору – двадцать четыре. Разница в их поведении, мировоззрении и опыте работы по специальности не поддавалась описанию. Блохин – балагур и умница – сразу же стал всеобщим любимцем. Ироничный, немного замкнутый, а временами агрессивный Рэд являл собой почти полную его противоположность. Когда командор Пайнтер поставил их в пару на недельный рейд по бета-радиусу, никому и в голову не могла придти мысль о возможности дружеских отношений.

Однако в первую же ночь их призвала на помощь группа заблудившихся туристов, оказавшаяся на поверку бандой беглых преступников, которым понадобился звездолет. В Блохине было почти два метра роста, играла добрая сила, но убивать он не умел. И его космическая карьера наверняка бесславно закончилась бы в тот день, если бы Рэд не разрядил в главаря и его прихвостней бластер из НЗ. Остальных они побили и разоружили совместно с подоспевшим патрулем СКБ. После инцидента Гардон, на которого нахлынули военные воспоминания, ударился в жестокий запой. И Виктор трое суток нес вахту практически в одиночку, пока его недееспособный напарник валялся в каюте. Естественно, Пайнтер об этом не узнал, а в отношениях Виктора и Рэджинальда наметилось странное для командора потепление.

Конечно, Джой не мог знать этих подробностей. Но по мере того, как комсостав «Моники» превращался для него из полубогов в коллег, стажер стал лучше улавливать настроение команды в целом и капитана в частности.

Рэджинальду не повезло. Дежурный по сектору сотрудник Службы космической безопасности оказался его давним врагом и насчитал в действиях капитана умопомрачительно высокий коэффициент ошибок.

– Согласно уставу вам будет сделана соответствующая отметка в досье, капитан Гардон. Ваш корабль и экипаж подвергаются инспекционной проверке. Шеф-пилот АСП поставлен в известность, – смакуя сухие слова порицания, говорил дежурный с экрана. – И если вы встретите комиссию как в прошлый раз, то получите отпуск длиной не меньше года.

– Как раз в прошлый раз прием был блистательным. Стороны остались как нельзя более довольны друг другом, – возразил Рэд.

– Я тебя предупредил, Рэджинальд.

– Я понял.

– Не вздумайте снова спаивать моих людей!

– Чтобы спить ваших архангелов, сэр, понадобится бассейн газированного спирта с коньячным фонтаном в центре, а ресурсы «Моники»...

– Прекрати юродствовать, – зло оборвал его дежурный. – Рапорт принят и передан для дальнейшего рассмотрения полковнику Дэйву. До связи, капитан.

Когда экран погас, Рэд с наслаждением выругался вслух и отправился в жилой отсек, но к изрядно подгулявшей части своей команды так и не присоединился.

На следующий день капитан устроил на «Монике» аврал, во время которого основной задачей Джоя и Эдварда было пореже попадаться ему на глаза. Стажер счел за лучшее затеряться на технических уровнях, предложив свою помощь старшему технику Левису Белтсу. Тот окинул его пронизательным взглядом и усмехнулся в усы.

– А что, Джой, капитан Рэд у нас с похмелья злой как черт, или в самом деле ожидается прибытие чинов?

– Похоже, будет инспекционная проверка. Я знаю не больше вашего, Левис.

– Ну-ну. Тогда иди в модульный ангар. Работа найдется, да и Блохин где-то там шумел с полчаса назад.

Генеральная уборка продолжалась на «Монике» почти трое суток. На четвертые на борт ступил сам шеф-пилот АСП Пол Дорвард в сопровождении куратора Ассоциации от СКБ полковника Артура Дэйва, доктора Изметинской, возглавлявшей группу медико-биологической разведки и нескольких лейтенантов Службы безопасности.

– Капитан, вам надо разместить только трех человек. Остальные во главе со мной в дальнейшем отправятся на орбитальную базу и в десантный лагерь Файра, – сказал полковник Дэйв после краткого приветствия. – У меня сразу же вопрос: вашими табельными документами предусмотрено двадцать четыре человека...

– На борту работает стажер, господин полковник. В настоящее время он так же является членом моего экипажа.

Оттого, как Гардон это сказал, у Джоя сладко засосало под ложечкой и возникло острое желание увидеть в составе комиссии инструктора летной подготовки, который чуть его не завалил на экзамене после второго курса.

– Стажера ко мне.

– Да, сэр.

После официальной части обстановка несколько разрядилась.

– Мало мне других проблем, Рэджинальд, – в полголоса сказал Дорвард Гардону, как только представители СКБ покинули мостик.

– Облет района осуществлялся по распоряжению командора Вейса, – сухо ответил Гардон. – Если бы он поручил это орбитальникам или группе планетарной разведки еще неизвестно...

– Не понимаю, о чем ты говоришь. Кстати, капитан, позвольте представить. Доктор Кира Изметинская – возглавляет медико-биологическую группу. Впрочем, мне кажется, вы знакомы?

– Да, командор. – Изметинская протянула Гардону руку. – Некоторое время назад мы действительно встречались в Центральном госпитале космопроходцев.

– Что ж, тем лучше, – подытожил Дорвард. – Обсуждение в рубке через сорок минут. Вы меня слышали, капитан?

– Да, господин командор.

Шеф-пилот отошел, поздоровался со Стрэйком, и они о чем-то оживленно заговорили.

– Кира Владимировна, – потрясенно произнес Рэд, – я не верю своим глазам!

– Зря, – сказала Изметинская. – Я пойду распаковывать вещи, а ты заходи вечером.

Мы ведь лет пять не виделись, не меньше.

– Около того. Только, боюсь, террор в рубке при непосредственном участии Дэйва растянется надолго, и правила приличия...

– С каких пор ты начал их соблюдать?

– Хм.

– Заходите, капитан. До завтра мне все равно решительно нечем заняться, разве что поболтать со старыми друзьями.

Отделение многопрофильной клиники космопроходцев, куда Изметинская пришла работать по окончании института, считалось не самым престижным местом. Однако выбора у Киры тогда не было. Дочери исполнилось всего два года, а предложенные Изметинской в отделе трудоустройства вакансии предполагали частые выезды в различные филиалы клиники. Так что на первых порах пришлось довольствоваться ролью врача общего профиля и лечить всевозможный сброд, которому были не по карману элитные отделения госпиталя. На дорогостоящее оборудование и разнообразие лекарственных препаратов рассчитывать также не приходилось.

Зато Кира повидала немало и существенно пополнила перечень практических навыков, которыми владела. Пациенты здесь, зачастую не имевшие даже документов, удостове-

ряющих личность, не предъявляли претензий персоналу, довольствуясь предоставленным кровом и едой на период лечения.

Шагая к приемному покою, Изметинская ломала голову над проблемой размещения больных в переполненном отделении. Войны Второй Волны существенно добавили врачам работы. Занятая своими мыслями, Кира чуть не столкнулась в дверях с реаниматологом Службы спасения, неодобрительно взглянувшем на ее накрашенные ресницы и отглаженный сиреневый костюмчик.

– Добрый вечер, что везете?

– Потенциальный труп, – хмуро буркнул врач.

– Нельзя подробнее?

– В документах подробности, читать надо. Я как больного взял на борт, так сразу и отправил. Для чего – непонятно. Все равно никто не читает!

– Извините, я была занята в отделении.

Врач потер красные от бессонницы глаза и оглянулся в поисках потенциального любовника встретившей его куклы. Уж он-то знал, чем они там в отделениях занимаются. Даже документы на поступающих раненых просматривать не успевают. Но любовник все не шел, а Кира уже склонилась над носилками. Врач шмыгнул носом и нехотя сказал:

– Патруль миротворческих сил передал. Несколько ранений различной степени тяжести. С кровопотерей. Сознания, разумеется, нет. Зато кроме травмы грудной клетки есть множественные переломы конечностей. Думали, не довезем.

С промежуточной базой связались – не берут. Остальных взяли, а этого сказали к вам везти... Голову еще посмотри. Ранение там поверхностное, но, видимо, он треснулся здорово. И зрачок с этой стороны на свет не реагирует...

– Хорошо. Спасибо. Паспортные данные есть?

– У меня нет, не до того было. Там рядом миротворцы и Служба безопасности крутились. Их и запросите. Похоже, очередной оранжерейник.

Врач попрощался и вышел. Кира краем уха прислушалась к регистратору, передававшему запрос о доставленном пациенте в СКБ. «Оранжерейниками» называли наемников, участвовавших в боевых действиях, и за соблюдением формальностей в отношении них строго следили. При первом же взгляде на пострадавшего оправдались самые худшие предположения. Кира посмотрела на герметизирующую пленку на грудной клетке, футляр регенератора, скрывавший правую ногу до паха, и временные повязки, пропитанные кровью:

– К черту диагностику, Дана! Завозите его прямо в операционную. И вызови мне доктора Кейси, он сегодня курирует нас от травматологии. Понадобится помощь. Оформи запрос в реанимацию. Может, на сей раз, они над нами сжалятся и помогут.

Дальше события разворачивались стремительно.

– Кира Владимировна, реанимация не берет, но обещает прислать консультанта. Доктор Кейси сейчас спустится.

– Хорошо.

Изметинская осмотрела рану на левом виске, от которой багровая борозда тянулась к углу глаза.

– Кира Владимировна, СКБ зарегистрировала сообщение. Это наемник, бежавший с Зоны-77.

– Еще данные есть?

– Сейчас... Имя – Рэджинальд Гардон. Двадцать один год. Банка органов не имеет.

– Что, собственно, и ожидалось, – пробормотала Кира. Изметинская зябко повела плечами, определяя, с чего начать.

– Дана, ты мне здесь нужна. Да не переодевайся уже! Включился реанимационный комплекс.

– Кира Владимировна! Давление не определяется...

– Вижу!

И в этот момент на счастье Изметинской и Гардона в операционную вошли Кейси и реаниматолог.

– Коллеги, кто-то из вас должен взять его к себе в палату и обеспечить хотя бы минимум наблюдения, иначе не оживет, – посоветовал врач реанимации на прощание. – К сожалению, наш шеф ваших неплатежеспособных пациентов недолюбливает. Схему лечения я расписал, посмотрите, что из перечня у вас есть... Больше ничем помочь не могу.

Изметинская и Кейси переглянулись.

– Зайду утром, – неуверенно произнес травматолог. – Если состояние не ухудшится, посмотрю, что можно будет сделать на базе вашего оперблока.

– Я возьму, – сказала Кира.

– У тебя же под завязку...

– Найду одно место. Инфекционный бокс пока свободен.

– Заведующая убьет тебя. Перепрофилирование без ее ведома! Кира...

– Впереди еще два выходных. Без мониторинга он до утра не доживет. Жалко мальчика, своих трудов и...

– Кира! Я как раз хотел сказать, что всех не пережалеешь. И не забывай, мальчик из тюрьмы сбежал.

Кира посмотрела на Гардона, наполовину погруженного в изотоническую биоактивную среду, опутанного сетью электродов и полупрозрачных трубок. «Аппаратное дыхание и кровообращение, – подумала она. – Выходные – псу под хвост».

Рэд находился без сознания четверо суток. На пятое утро он услышал мелодичный и печальный серебряный звон, увидел рассеянный белый свет и туманный силуэт женщины. Рэджинальд подумал, что умер, но звон трансформировался в голос, белый свет в лампу на потолке, и Гардон ощутил совершенно не потустороннюю боль при попытке вдохнуть поглубже. И только женский силуэт остался в центре меняющейся – по мере того как он приходил в себя – картины окружающего мира. Левый глаз по-прежнему видел только рассеянный свет.

– Доброе утро, – сказала ему Кира. Тогда они и познакомились.

Спустя месяц, Изметинская зашла к Гардону в палату и присела на край постели, не зная, как начать очень непростой разговор. Рэд сидел напротив в передвижном кресле.

– Рэджи, скажи мне, у тебя есть страховки, сбережения, ценные бумаги, недвижимость, которую можно заложить или продать?

– Зачем? Изметинская вздохнула.

– Тебе необходима операция на левом глазу по восстановлению зрения и серия пластических операций на бедре и коленном суставе. Если, конечно, ты хочешь смотреть на мир двумя глазами и ходить без костылей.

Рэд довольно долго молчал.

– Хочу, – сказал он наконец. – Мне нужен компьютер с выходом на банковскую сеть.

– Ничего не выйдет, – покачала головой Кира.

– Да нет же, – улыбнулся Рэд, – я не собираюсь грабить банк. Просто я вспомнил, что действительно могу снять деньги со счета.

– Такой компьютер здесь есть только в кабинете заведующей.

– Кира Владимировна!

– Ни за что!

– Помогите мне, Кира... – глухо проговорил Рэд.

В свое время отец сделал долгосрочный вклад на его имя. В семнадцать лет, порвав с прошлым, Рэджинальд героически пообещал себе забыть о деньгах лорда Эрлингтона наве-

гда. Но слово «инвалидность», произнесенное Кирой, не оставило былому юношескому максимализму никаких шансов, и в тот же вечер врач с пациентом незаконно проникли в кабинет заведующей.

– Я из-за тебя за решетку ужожу, – шепотом сказала Изметинская.

– Я знаю, как оттуда сбегают...

– Ну уж нет.

Почему Кира поверила тогда Гардону? Она так и не смогла ответить себе на этот вопрос.

Ни до, ни после у нее не складывались столь доверительные отношения с пациентами, переходящие в многолетнюю дружбу. Перевод Рэджинальда в травматологию, совпавший с его днем рождения, они даже слегка отметили.

Джой собрал свои документы и ровно через пятнадцать минут появился на пороге гостевой каюты. Дэйв сидел за столом.

– Господин полковник, стажер Ив прибыл по вашему приказу.

– Хорошо, Джой. Не возражаешь, если я буду называть тебя по имени?

– Нет, сэр.

– Присаживайся и расскажи мне, каким образом стажер оказался на корабле свободного поиска в такой глуши.

– Спасибо, сэр. – Джой присел на краешек кресла, на которое широким жестом указал ему Дэйв. – На выпускной курс выдается пять разрешений, оставляющих за курсантами право выбора звездолета и радиуса удаленности. Я прошел по результатам тестирования. Вот документы, – он выложил на стол бумаги с личной подписью начальника вшк.

– Я просмотрю. – Дэйв подвинул к себе документы. – Но участвовать в облете неисследованных планет стажерам запрещено Кодексом космоплавателей, единым для всех ведомств.

– В параграфе восемь, пункт пятнадцать, Кодекса написано, что я имею на это право в качестве наблюдателя. Самостоятельные рейсы у меня были только в десантный лагерь.

– Хм. Работать на поверхности пилотом, даже вторым, намного интереснее. Ты согласен?

У Джоя мгновенно похолодели пальцы ног, затекла спина и вспотели ладони. Ему предстояло добровольно сделать самую большую глупость в жизни: наврать с три короба полковнику СКБ. И он разволновался. Предать Гардона, спасшего ему жизнь и Стрэйка, добровольно взявшего его часть вины на себя, Джой не мог. Но волноваться-то он имел право!

– К сожалению, капитан Гардон не доверяет пилотаж человеку без опыта. Но даже посмотреть, как работают специалисты из его экипажа для меня большая удача. Мне еще не приходилось встречать профессионалов столь высокой квалификации. У них есть чему поучиться. Кроме того, у меня были самостоятельные полеты на пилотируемых модулях на орбитальную базу и управление поверхностными модулями с борта звездолета...

– Достаточно! – Полковник подарил Иву такой взгляд, что стажера бросило в жар. – Я оценил тот объем работ, который ты обычно выполнял здесь. Чем ты занимался в день происшествия, Джой?

– Я был в рубке «Моники», сэр.

– Ты не пошел наблюдателем в такой интересный заход?

– Я мечтал об этом, сэр. Но капитан и первый пилот Стрэйк даже слушать меня не стали. Район полукольцевых гор считается здесь самым опасным и, как выяснилось, не без оснований.

– Что было потом? – быстро спросил Дэйв.

– Обсуждение случившегося, господин полковник, – честно ответил Джой, не вдаваясь в подробности. – Жаль только, что капитан Гардон почти не принимал участия в разговоре. Он как раз готовил рапорт в СКБ.

Артур уже понял, что стажер будет отвечать только так, как его научили, но формально придаться было не к чему. Он задал еще несколько вопросов, не имевших решающего значения, и отпустил Джоя.

На мостике ситуацию разбирали более подробно. Гардон не умел и не хотел оправдываться. Дорвард постарался несколько смягчить его слова, но Рэджинальда однозначно поддержал. Дэйв решил придаться к Стрэйку и Эдварду, но те дружно списали все на гипноз, и, кроме красочного описания галлюцинаций, полковник ничего от них не добился. Экипаж «Моники» был совершенно чист перед СКБ. Хотя за некоторые нарушения техники безопасности полетов и потерю планетолета капитану все-таки поставили на вид.

Было уже около полуночи по корабельному стандарту, когда Гардон пришел к Изметинской.

– Можно? – спросил он на пороге.

– Ох, Рэджи, – улыбнулась Кира, – у тебя вечная проблема с дверями. Ты сначала их открываешь, а потом спрашиваешь разрешения. Заходи.

– Вы же сами меня пригласили, доктор, – пожал плечами Рэд. – Нет, я поверить не могу! Кира, солнышко, как тебя сюда занесло?

– Пол Дорвард пригласил поработать во благо АСП. Садись. Сейчас, конечно, курить будешь, отрываясь за те часы, что провел рядом с полковником Дэйвом в образе благонаправном и законопослушном?

– Еще одно упоминание его имени сегодня я не перенесу, – сказал Рэд и достал пачку сигарет из нагрудного кармана форменной куртки.

– Все так плохо?

– Нет. Просто он никак не хотел понять, что если бы я мог совершить нечто более выдающееся, я бы так и сделал.

Кира, сидевшая за компьютером, получила на руки распечатку и свернула лепестки экрана.

– «Жили на свете два осьминожка, и было б у них осьминожков немножко...», если бы не вы. Читай. – Она протянула ему первый отчет биологической группы с поверхности Файра. – Я накрою на стол. Будем пить кофе, как в старые добрые времена.

Прочитав отчет, Рэд расхохотался.

– Так эти твари... – он запнулся, подбирая достойный эквивалент слову, вертевшемуся на языке.

– Ты правильно понял, – подсказала Изметинская. – У них была первая брачная ночь.

– День, – Рэд отложил распечатку. – Какая наглость, трахаться среди бела дня на виду у всей экспедиции!

– Дело не во времени суток. Отнюдь! Вы помешали интимной близости инопланетных форм жизни, бестактно запустив в них зондом. Спариваются они не чаще, чем раз в десять лет, и наверняка находят это мероприятие приятным и заслуживающим уважения со стороны всяких пришельцев.

– Ас оранжевыми щупальцами был мальчик или девочка? – вкрадчиво спросил Гардон.

– Похоже, девочка, которой ты изрядно подпортил внешний вид путем отрывания частей тела.

– Не-ет, драгоценная Кира Владимировна, не надо с больной головы на здоровую! – запротестовал Рэд. – Она сама виновата: или любовь, или обед. Хотела нас сожрать, да еще и удовольствие получить. Ей не слишком было бы?

Кира рассмеялась.

– Что, не согласна?

– Согласна.

– А галлюцинации? – поинтересовался капитан.

– Не знаю, Рэджи. Это же предварительные данные – самое начало работы. – Изметинская разливала кофе. – Лучше расскажи, что происходило на мостике.

– В общем, ничего особенного. Дэйв ворчал, пытал стажера и придирился к мелочам. В конце концов сказал, что принципиальных ошибок в действиях экипажа не нашел. И если медики не будут иметь претензий к участникам инцидента, его можно считать исчерпанным.

– А ты как думаешь, медики будут их иметь?

– Я не врач, – отрезал Рэд.

– Разве я сказала «коллега»? – Кира поставила перед капитаном чашечку с кофе, чуть развернула стол, придав ему овальную форму, и уселась напротив, превратив стул в удобное кресло.

– Это уже допрос или можно не отвечать, учитывая дружеский тон беседы?

– За последние несколько лет я составила тебе три липовых заключения о допуске к работам в пространстве, капитан, и думаю, что заслужила тем самым право задать несколько вопросов. – Изметинская вскинула на него глаза.

– Да. Конечно. Просто мне не нравится этот разговор... Извини. – Рэд медленно поставил чашку на блюдце и отодвинул на край стола, так и не притронувшись к кофе.

– А мне не нравится, как ты все время прижимаешь руку к левому виску! И как ты приволакиваешь правую ногу при ходьбе. И еще, как ты неадекватно реагируешь на совершенно безобидные вопросы, мне тоже не нравится! Когда мы виделись в последний раз, ничего этого не было.

Гардон демонстративно убрал руку от виска, вытащил очередную сигарету и подался вперед.

– Когда мы виделись в последний раз, я был в отпуске, а не болтался в клубке щупалец с двумя салагами на борту!

Кира вздохнула и продолжила очень мягко:

– Не буду врать, я ожидала твоей негативной реакции и подготовилась заранее. – С этими словами она поставила на стол небольшую бутылку марочного коньяка. – Думаю, после употребления данного средства мой профессиональный взгляд немножко замылится, а твой язык немножко развяжется.

– Ну, Кира! – ахнул Рэд. – Не знаю, что и сказать. Может, закуришь?

– Я?

– Но ведь застал же я вас как-то с сигаретой в зубах посреди ординаторской, доктор.

– Я тогда с мужем разводилась. А тебе надо было меньше шлаться по ночам и не врываться без стука. Видишь, я сделала, что могла. Выкладывай. Судя по тому, как давно мы не виделись, и твоему безобразному поведению у меня есть все основания предполагать, что дела идут не лучшим образом.

– Хорошо, – сдался Рэд, разливая коньяк. – Твой последний аргумент оказался очень убедительным. Последний месяц, может, чуть больше... со мной действительно что-то происходит. Стареем, как говорит Блохин, – капитан усмехнулся.

– Тебе тридцать пять лет, Рэджи.

– Тридцать шесть.

– Ах да... О какой старости тут может идти речь?

– Тогда, я скажу, что устал. По ночам мне начал сниться всякий бред. Файр достал меня своими светодонками. Вейс – своими распоряжениями. Неделю назад монтажники сорвались с консоли, ловили их по всему космосу. Только что Стрэйк чуть не погиб из-за небрежности наземных служб, я еще и за него отпахал. Какой вывод напрашивается для

руководителя экспедиции? Люди измотались. Так ты дай передохнуть, а не выслуживайся перед начальством за чужой счет. На кой черт эта планета вообще Департаменту сдалась!

Кира предостерегающе поднесла палец к губам. Рэд плеснул себе еще коньяка. Он безусловно понял намек, но все равно закончил мысль вслух и даже с некоторым вызовом в голосе, адресованным потенциальному наблюдателю.

– Деньги отмывать и технику списывать можно в менее экстремальных условиях. И тут еще ребята вляпались так, что пришлось угрожать оборудование стоимостью в несколько миллионов. А потом целый вечер объяснять СКБ, что я не имел целью получить страховку и не развлекался, превышая скорость, указанную в технических характеристиках моих кораблей!

– Я так и думала, что здесь без стажера не обошлось. Изметинская чувствовала, как тяжело Гардону говорить.

Он относился к той категории людей, чьи слабости окружающим видеть не дано. И Кира решила дать ему передышку, переменяя тему. Рэд купился.

– Все так думают, но мальчишка не при чем, уж поверь мне, – проворчал капитан. – Даже если бы на его месте действительно был Стрэйк, ситуация все равно вышла бы из-под контроля. Кто знает, может, именно благодаря стажеру Гетт остался в живых. Но ты ведь хотела поговорить обо мне, а я... Меня все это окончательно из колеи выбило. Думал, что не вылезу из катера без посторонней помощи. – Гардон поставил бокал так, что коньяк чуть не расплескался, и в нем заиграли блики, отражаясь на поверхности стола. – Все! Хватит. Не хочу больше говорить об этом.

– Успокойся, Рэджи. У тебя нормальный синдром хронической усталости, на который наложились – чего греха таить – физические последствия довольно тяжелых травм, полученных много лет назад.

– Одним словом, тестирование, если таковое состоится, я точно не пройду. Узнала, что хотела?

– Ты похож на дикобраза, – вдруг рассмеялась Кира. – Надо же, насколько не изменился.

– А вы похорошели, Кира Владимировна. И, даже если вы меня завтра комиссуете, я не смогу этого не признать.

– Какая грубая лесть! – все еще улыбаясь, сказала Изметинская. – Если бы я хотела тебя комиссовать, Рэджи, я бы не вела сейчас душеспасительные беседы. Мне надо знать исходную позицию, чтобы грамотно лгать Дэйву и Дорварду. Но взамен ты мне кое-что пообещаешь, капитан.

– Что же?

– Плановую госпитализацию в ближайший отпуск. Показания налицо.

– В госпиталь – ни за что! – уперся Рэд.

– Ты еще споришь! – возмутилась Кира. Она побарабанила пальцами по столу. – Хорошо. Сойдемся на санаторном комплексе. Это мое последнее слово.

– Идет, – нехотя произнес капитан и снова взялся за бутылку с коньяком, некоторое время остававшуюся без внимания. Изметинская чуть-чуть подвинула в его сторону пустой бокал.

– Знаешь, моя Катька увлеклась альпинизмом...

– Прекрасный спорт, – одобрил Рэд. – Как поживает профессор Кейси?

– Нет, вам, толстокожим, никогда матерей не понять! Фу, помещение продымил, всю душу измотал. Бес попутал меня взять то дежурство... Дай сигарету.

Гардон улыбнулся.

– У нас прекрасно работает вентиляция, и я всегда знал, что ты куришь. Зажигалка лежала на... на том здоровенном аппарате, когда я очнулся.

– Один – ноль. Теперь расскажи мне что-нибудь космическое, раз самая неприятная часть разговора осталась позади.

На следующий день полковник Дэйв убрался с «Моники» на орбитальную базу, с чем Гардон мысленно поздравил командора Вейса. Остались Изметинская, которая должна была дать заключение, и Дорвард для решения вопроса о переоснащении звездолета и дальнейших перспективах.

Правил в АСП было немного, но соблюдались они неукоснительно. Согласно регламенту четыре месяца в году экипаж был обязан работать на Департамент космоплавания, полгода отводилась на собственно свободный поиск и два месяца на отпуск. Из суммы полугодового заработка пятьдесят процентов отчислялось в фонд АСП. Существовали также своя система скидок и штрафов и пристальный контроль со стороны СКБ за законностью сделок.

Сейчас Ассоциация свободного поиска переживала не худшие времена. Статус транснациональной корпорации позволял ее капитанам братья за любую работу, не оглядываясь на политическую принадлежность заказчиков. Регистрация организации на Аналоге-2 еще больше упрочила ее позиции. После войн Второй Волны, которые, по сути, Аналог-2 выиграл на колониальных территориях, Аналог-1 вынужденно уменьшил свои аппетиты и амбиции. Аналог-3 во время войны старательно соблюдал нейтралитет, а после нее – предельную лояльность к политике победителя. Сепаратизм временно вышел из моды, и все три метрополии по крайней мере на словах демонстрировали готовность работать в космосе дружной объединенной командой.

Сдвинулось с мертвой точки даже создание Объединенных ВКС системы Аналогов, призванных, по замыслу авторов, проекта охранять спокойный сон граждан метрополий на случай новых беспорядков в пространстве: во время войн Второй Волны боевые действия едва не перекинулись на центральные планеты. Нескольких терактов и кровопролитных стычек на границах альфа-радиуса хватило, чтобы убедить даже самых ярых противников военного сотрудничества, и первые подразделения появились еще до прекращения боевых действий, официального примирения сторон и подписания грабительских мирных договоров после восьми лет противостояния.

Граждане всех метрополий и колоний вздохнули с облегчением, убедившись, что конфликт исчерпал себя, не достигнув масштабов Третьей звездной войны, и ринулись налаживать мирную жизнь к великой радости транспортных компаний, вновь получивших возможность относительно безопасного передвижения. И АСП тут была вне конкуренции.

Что касается самого капитана, то он весь предыдущий отпуск провел между базой АСП и судостроительными верфями. Дорвард решил обновить парк. АСП приобретала сразу два новых звездолета, и пока утверждались их экипажи, Рэд почти два месяца работал одновременно пилотом-испытателем и представителем организации, в перерывах катая шефа по любовницам на новеньких бортовых звездолетах.

На сей раз Дорвард отпускал «Монику» на более короткий срок, так как звездолет с опозданием пришел на базу из предыдущего поиска, проигнорировав предупреждение администрации.

Гардон, находившийся под впечатлением вечернего разговора, к удивлению шеф-пилота даже не попытался спорить. Они как раз успели оговорить все условия, когда выяснилось, что Изметинская все-таки нашла себе жертву. Ею оказался Гетт. Капитан запротестовал, но получил в ответ набор терминов, произнесенных ледяным тоном. Рэд догадывался, что хотела сказать ему Кира: «В любом случае ты абсолютно надежен, а он? Я не знаю». «Я тоже», – подумал Гардон и отступился. Изметинская не могла дважды рисковать своей репутацией. Эдвард чуть не умер, когда Дорвард приказал ему покинуть борт МНК-17 и вернуться на корабле СКБ на базу.

– Тебе нужен второй пилот? – спросил Дорвард у капитана. – Обследование может затянуться.

– Кажется, у меня есть второй пилот, – улыбнулся Рэджинальд.

– Я начинаю понимать, почему мальчишка так на тебя смотрит.

– Вам это ничего не напоминает, сэр? Дорвард отрицательно покачал головой.

– Весьма отдаленно. Ты был совсем другим.

Однажды Пол Дорвард, будучи уже шеф-пилотом АСП, попал в небольшую заварушку и его, как значительную фигуру в сфере космонавтики, тут же устроили в госпитальный люкс. Нельзя сказать, что командор был несказанно счастлив, но выпавший шанс отдохнуть решил использовать. Ранним утром Пол вышел из корпуса и устроился с книгой на краю бассейна. Побывать в одиночестве не удалось.

В бассейне уже кто-то плавал баттерфляем. Дорвард не замедлил отметить, что получилось не очень хорошо: шумно и медленно. Парень одолел примерно две трети бассейна и схватился за лесенку. Только когда он выбрался из воды, Пол заметил, что правая нога у пловца находится в замысловатой реабилитационной шине. На следующий день Дорвард тоже решил искупаться ранним утром и столкнулся с давешним пловцом на краю бассейна. Тот улыбнулся.

– Доброе утро, командор Дорвард.

– Привет. Откуда ты меня знаешь?

– Вас знает любой человек, хоть немного связанный с космосом, господин командор.

– Приятно слышать. С кем имею честь беседовать?

– Рэджинальд Гардон, сэр.

– А связь с космосом?

Рэд посмотрел ему в глаза и отчеканил:

– Пилот-истребитель штурмовой бригады «Атака». Пол окинул его взглядом. Рост 175–180, отлично сложен.

Черные слегка выющиеся волосы и серые глаза – удачное сочетание. На грудной клетке послеоперационный шрам. На виске – еще один. Очень тонкий и еще розовый от пластики, он почти захватывал угол левого глаза.

– Та-ак, – удивленно протянул Дорвард. – Насколько я знаю, бригада формировалась из наемников, и в настоящее время вышел приказ об ее роспуске.

– Да, сэр.

– Тогда каким образом... – Пол запнулся, подыскивая наиболее тактичный вариант вопроса.

– Вам хотелось бы знать, что делает оранжерея в элитном госпитальном блоке?

– Угадал.

– Это очень длинная история, сэр. – Гардон хотел развернуться и уйти. Он уже сталкивался с пренебрежительным отношением и предполагал стандартное завершение разговора. Но ошибся.

– Ты куда-то торопишься? – почти дружески спросил Дорвард.

– Нет, сэр.

– Я тоже. И я очень люблю длинные истории. Обычно мне не хватает на это времени.

– Я неважный рассказчик, – заартачился Гардон.

– Тогда пойдем купаться. Ты же для этого сюда пришел. Кстати, почему именно баттерфляй? Не самый скоростной стиль...

В конце концов Дорвард сумел расположить к себе нового знакомого и даже узнать кое-какие факты из его биографии. Удовлетворив свое возросшее любопытство параллельным запросом в СКБ, Пол оценил полученную информацию и провел в раздумьях целый вечер. Вывод напрашивался сам собой: если парня не пристроить на работу в космосе сей-

час, со временем из него получится капитан пиратского крейсера, за которым СКБ будет безуспешно гоняться не один год. Кроме того, командор не мог не признать, что испытывает к Гардону некоторую личную симпатию. И Дорвард решил для начала поговорить с ребятами из «Вышки». Рэд, единственной виной которого был побег с Зоны-77, попал под амнистию, объявленную в честь окончания боевых действий и с его опытом вполне мог претендовать на диплом пилота ВШК. Тем более, что согласно заключению медиков дорога в военный космофлот Аналога-2 была для него теперь наглухо закрыта.

Таким образом, в судьбе Рэджинальда произошел счастливый поворот, и он по выздоровлении превратился в официального протеже шеф-пилота АСП. Когда с формальностями было покончено, осторожный Дорвард пристроил Гардона в Службу спасения, решив для начала понаблюдать за его карьерой со стороны. И только убедившись в верности своих предположений, командор предложил ему работу в Ассоциации.

Перед тем как покинуть борт Дорвард пообещал известить экипаж о времени выхода в поиск и пригрозил штрафом в случае еще одного разбирательства с участием СКБ. После его ухода Блохин первым подал голос:

– Джой, с тебя три бутылки.

– Три-то за что?!

– Первая – за поруганную любовь осьминожки и осьминога. Вторая – за то, что Дэйв не заметил подлога. Ну а третья – за место второго пилота. И это еще по-божески! Будь я командиром экипажа, я бы еще и моральный ущерб в счет включил.

– Что?

Джою показалось, что он ослышался. Стажер растерянно обернулся к капитану.

– Не слушай ты его, Джой. Я могу поставить тебя вторым на время отсутствия Эдварда. Временно. Если согласен, зайди ко мне вечером со своими документами, которые даже Дэйв уже проштудировал, а я еще и не видел.

– Да, сэр. – Иву показалось, что сейчас он должен проснуться. Кейт что-то сказал, Блохин и Серж расхохотались, но Джой еще несколько минут не мог включиться в общий разговор.

– ... снимет нас с орбиты через две недели, – говорил тем временем капитан. – Можно начинать думать, чем займемся.

– Хоть чем! – с чувством сказал Сент-Фалль, который измаялся больше всех. Штурману корабля, болтающегося на орбите, даже Гардон не мог придумать работу по специальности. А пилотаж Серж откровенно недолюбливал.

Дорвард сдержал обещание и через десять дней связался с Гардоном, объявив о завершении блока работ на Департамент. На прощание Рэд, взяв управление, проделал головокружительный пируэт вокруг орбитального комплекса и «Моника», набирая скорость, ушла с орбиты.

– Вроде не вчера родился, а все как мальчишка, – процедил сквозь зубы Стрэйк, который был старше всех в команде. Виктор пробурчал что-то о насилии над бортовыми системами и объявил, что если автоматическая программа разведения объектов снова зависнет, он принципиально не будет ее восстанавливать. Рэд только сдержанно улыбнулся в ответ.

Джой однажды оказался в кают-компании техблока, когда там зашел разговор о профессиональных рейтингах капитанов гражданского космофлота. Независимый социологический центр публиковал их раз в квартал. Каждая публикация «Топ-100» сопровождалась бурными спорами и большими денежными ставками. Во втором полугодии Гардон откатился с восьмого места на двенадцатое, что привело его команду в состояние легкого уныния. «Не, ребята, мы не то что в тройку, как „Гаро“, мы так и в пятерку никогда не попадем!» – буркнул кто-то из парней. Старший техник Левис Белтс посмотрел на Джоя, поглаживая усы, и очень тихо сказал: «На самом деле мы уже давно всех обставили, малыш. А почему

Гардона в официальных рейтингах в тройку не пропускают, я тебе объяснять не буду. Сам поймешь со временем. Ты парень смысленый. Не зря тебя старпом любит».

– Никогда так не делай, – сказал Рэд стажеру, выведя его из состояния задумчивости. – Джери, отдай ему управление. Пусть упражняется, пока все спокойно.

– Джой, слышал, что капитан сказал? Переводи маршевые на себя. Виртуальным контролем только не балуйся – глаза разбегутся. Иди по обзорникам.

Джой послушно выполнил распоряжение и тяжело вздохнул. Он уже усвоил, что для Стрэйка правила писаны, чтобы их соблюдать, а для Гардона – чтобы им никогда не следовать. Подстроиться под стиль кораблевождения того и другого ему постепенно удалось. А вот как быть, когда они оба на него смотрят? Оказывается, бывают в жизни стажера ситуации, когда сидеть за штурвалом совсем не хочется. Даже если это штурвал ультрасовременного сверхскоростного облегченного транспортника, которых на весь гражданский космофлот едва ли штук пять наберется. На его счастье, штурман снизошел до синхронной коррекции курса на обычном маршевом участке, и оба пилота тут же перестали обращать на них внимание. «Должен будешь», – сказал Серж в индивидуальный коммуникатор перед началом практического занятия по астронавигации. Вслух он несколько раз громко обозвал Ива двоечником, поинтересовался, чему его на летном факультете учили четыре с лишним года и для чего им на борту второй пилот, который понятия не имеет о позиционировании. Курс астронавигации Джой сдал на «отлично» в конце третьего года обучения. Но он был так благодарен Сержу, что согласился бы собственноручно исправить оценку в ведомости на «неуд», лишь бы штурман не бросил его в трудный момент.

Стрэйк с Гардоном лениво препирались, выбирая стоящие контракты из вороха посыпавшихся на них предложений. Отношения у Джери с капитаном складывались непросто. Прошлое накладывало свой неуловимый отпечаток: во время войн Второй Волны они воевали в разных лагерях. Рэд сражался за идею, Стрэйк – с самого начала только за деньги. С началом военных операций в колониальных территориях транспортная компания Аналога-1, где работал Джери, разорилась. И Стрэйк остался без работы с беременной женой и маленьким сыном на руках. Сколько мог – он перебивался случайными заработками, пока не наткнулся на вербовщика и не пересел на истребитель. Однако у Джеральда хватило здравомыслия вовремя выйти из игры.

Когда Гардон пришел в спасательное подразделение Стрэйк отказывался верить, что двадцатидвухлетний бывший наемник смог составить ему столь сильную конкуренцию. Джеральд по праву считался одним из лучших пилотов космофлота, и у Рэджинальда по сравнению с ним имелось только одно преимущество: он мог позволить себе в решающий момент поступать вопреки требованиям инструкций, полагаясь лишь на свою потрясающую интуицию и не прислушиваясь к советам и приказам, от кого бы они ни исходили. В таких ситуациях люди смотрели на Гардона затаив дыхание, ему не решались вставать поперек дороги, и он в девяносто девяти случаев из ста оправдывал ожидания. Зачастую Рэджинальд, прошедший половину своего пути в космосе в одиночку, просто подчинял людей своей воле, в то время как Джери говорил что-то вроде: «Ничего, ребятки, спокойно. Не спешите, у нас еще резерв мощности в запасе», после чего экипаж обретал второе дыхание.

Одним словом, Стрэйк с его опытом, личными качествами, умением организовать работу и вести документацию согласно всем требованиям Департамента космоплавания был незаменим в качестве помощника капитана. Когда ему предложили место на МНК-17 Джеральд сначала отказался категорически, будучи твердо уверен, что никогда не сработается с Гардоном.

– Мы развалим любой самый лучший экипаж, оказавшись на одном корабле! – сказал он Дорварду. – Не понимаю, почему ты делаешь ставку на него, Пол, и причем тут я.

– Рэджинальд сам предложил твою кандидатуру. Он не хочет больше ни о ком слышать, а капитан, как ты знаешь, имеет приоритетное право голоса при подборе команды.

– Да он терпеть меня не может!

– Речь идет о профессиональных качествах, а не о любви. Значит, ты ему нужен.

– Вот пусть он мне сам и обрисует перспективы нашего сосуществования. Раз я ему так нужен.

В тот же вечер Гардон заявился к Стрэйку домой. У них состоялся довольно жесткий разговор, к концу которого Джери позволил себя уговорить, не сомневаясь, что не задержится на «Монике» надолго. После бесчисленного количества мелких стычек и нескольких крупных скандалов капитан и первый пилот МНК-17 пришли к выводу, что им есть за что уважать друга, и на борту звездолета воцарился мир.

Пока «Моника» бороздила просторы бета-радиуса удаленности, Джой постепенно освоился в роли второго пилота. Его все чаще стали оставлять на мостике, доверяя контрольное пилотирование. Сначала – только если в тройке дежурных техников на вахту заступали Белтс или Фишер. А потом – и с менее опытной бригадой. Первым его оставил на вахте одного капитан. Ни с того ни с сего, без всякой предварительной психологической подготовки вызвал вечером в рубку, долго пристально смотрел, пока Джой не начал ерзать на стуле под его взглядом и мысленно перебирать все свои грехи, и сказал: «Вот что, Джой. Сегодня твоя первая вахта, с этой секунды – и пока я тебя не сменю. Четыре простых правила: глючит техника – будишь Виктора. Локаторы, ориентация, связь – Кейта, если нет курсовой устойчивости – Сержа, во всех остальных случаях – меня или Стрэйка. Но если хоть одного из нас ты поднимешь зря... Я даже предположить не рискну, как именно и в каких позах тебя пролюбят. Короче, в этом и заключается великое искусство вахтенного офицера: сохранить в целостности звездолет и собственную задницу. Дерзай. – Он вдруг улыбнулся. – Я приду, не бойся». И ушел. Три часа его отсутствия стоили трех лет учебы в космошколе. На следующий день притихший Ив попросил у Стрэйка полную версию руководства по эксплуатации МНК-17 и неделю лазил с ней вечерами по техническим уровням. Джеральд удивлялся внезапному рвению к изучению матчасти, Гардон пожимал плечами, а со следующего месяца включил Ива в расписание вахт. На первое время – с дублером.

Джой уже дважды швартовал «Монику» к вакуумным причалам под присмотром Стрэйка и был совершенно счастлив. Не хватало стажеру только ярких событий. Преподаватели «Вышки» столько раз повторяли курсантам: «Искателям приключений в гражданском космофлоте не место», что те поневоле начинали верить в обратное. Джой страстно желал собрать коллекцию эпизодов, подобных встрече с монстром на Файре. Рутинная работа по доставке грузов и пассажиров для нее не годилась. Джой замечтался по пути в рубку и едва успел прошмыгнуть на место перед капитаном.

– Говори, – буркнул Рэд бортинженеру вместо приветствия.

– Сэр, об этом контракте вы мечтали всю жизнь! По крайней мере, мне так кажется.

– Опять!

– Но капитан...

– Отставить. Это приказ.

Джери, Фил и Серж заухмылялись. О поразительной способности бортинженера связываться с нечистыми на руку компаньонами ходили легенды!

– Э, мужики, вы чего? Рэд, выслушай хотя бы!

– Пусть поговорит, – лениво бросил Джери.

– Что на сей раз? – сжалился Гардон.

– Дракончики! – не без гордости произнес Блохин.

– Виктор, мы умрем в один день. Кажется, я даже знаю дату...

Бортинженер помрачнел. Гардон прошел к пульту, убедился, что поступления грузов на «Монике» за ночь не зарегистрировано, и удовлетворенно кивнул.

– Так. У тебя есть две минуты, чтобы урезонить команду и изложить суть дела.

Блохин молча включил запись переговоров своей вахты.

– Внимание, – прозвучал приятный женский голос, – говорит служба оповещения. С ретрансляционного буя 7131 получено сообщение о тотальных пожарах в южном полушарии на планете Джунгли.

Команда наконец перестала веселиться.

– Вызови Белтса на мостик, – в полголоса попросил Стрэйк Джоя, – пусть послушает.

– ...Население эвакуировано спасательными службами. Корпорация «Биос» несет огромные убытки из-за потери двухсот экземпляров декоративных дракончиков, уже проданных в самые престижные зоопарки и богатые дома системы Аналогов. Если кто-либо решится спасти животных и репутацию компании, просьба обращаться к ее представителю на частоте службы оповещения. Вознаграждение гарантируется.

– Ну, и что скажете? – спросил Рэд, когда отзвучало сообщение.

– Виктор, ты с ума сошел. Лезть в лесной пожар на планете Джунгли? Одно название чего стоит! – сказал Кейт.

– А я бы не прочь посмотреть, как Блохин героически спасает дракончиков, – возразил Серж. – Просвети, где ты будешь их искать. Полушарие – понятие растяжимое.

– Я связывался с представителями компании. Вот координаты звероферм, где животных разводили. Болотистая местность, дельты рек. Огонь туда, согласно сводке спасателей в 5.30 еще не добрался.

– Вот! Еще и болото. – Кейту затея не нравилась.

– Около трех часов... – прикинул Рэд. – Серж?

– Четыре часа на крейсерской скорости, – подтвердил штурман. – Кое-кто старательно менял ночью курс.

– Спасатели ушли оттуда переполненные людьми, – заметил Блохин, проигнорировав замечание. – Им было не до дракончиков. Может, одного-двух и прихватили, чтоб перекупщикам спихнуть, но не сотню!

– Пожалуй, я бы полетел, – задумчиво сказал Рэджинальд.

– Только учти, что потерю еще одного планетолета Дорвард нам не простит, – предупредил Джери, дав тем самым свое согласие.

– Джой, а ты что скажешь? – обернулся капитан к стажеру.

Ив улыбнулся.

– Я за дракончиков.

– Р-романтики, чтоб вас! – проворчал Фил. – Как дети, честное слово. Нашли кого слушать: Виктора со стажером!

– Брось, Кейт, – примирительно произнес Серж. – Мы с тобой будем сидеть на орбите и посмеиваться над Блохиным. Чем не жизнь? Я лично на поверхность не полезу. Учтешь пожелание, капитан?

– По обстоятельствам.

– Не понимаю я этого, – пожал плечами Стрэйк. – За что такие деньги?

– За много сотен лет людям поднадоели кошки, собаки и лошади, – объяснил Серж.

– А так же белые мышки, морские свинки, петушиные бои, тараканьи бега, пираньи в аквариумах и крокодилы в ваннах.

– Виктор, уймись, – оборвал Гардон оживившегося бортинженера. – Как ты представляешь сам процесс отлова декоративных животных в горящих джунглях на болотах?

– Сэр, вы всегда меня недооценивали! Фирма предоставила запись звуковых сигналов в качестве приманки. К тому же животные должны находиться в вольерах.

– Нормально, – буркнул радист. – Еще и по клеткам лазить! Одумались бы вы, пока не поздно, зоофилы.

– Ты груб и неотесан, Кейт, – ответил Блохин. – Никто не собирается лазить по клеткам. Начиная с четырех утра я занимался силками, ловушками и программированием погрузчиков.

– Это вместо контрольного пилотирования! – сказал Стрэйк Гардону. – Не зря я спать спокойно не могу, когда этот пустозвон на вахту заступает. Вот, пожалуйста. Доказательства во всей красе!

– Я даже знаю теперь, чем скрашу остаток жизни по выходе на пенсию, – едва слышно закончил мысль Блохин.

– Бордель купит, – в полголоса сказал Серж Джою. – Спорим? «Биос» – контора не бедная.

Бортинженер бросил в его сторону взгляд, исполненный добропорядочности.

– Я открою магазин охоты, – скромно произнес он. Стрэйк встал, молча обошел вокруг своего места и сел обратно, скрывшись за спинкой кресла первого пилота, что означало крайнюю степень раздражения.

– Высажу, – сказал Рэд. – Виктор, если ты не заткнешься, я оставлю тебя пожары тушить.

– Лучшие лаподавилки галактики! Мобильные удушки и рыболовные крючки с системой впрыска цианистого калия! Бронетехника в аренду по желанию клиента, – продекламировал Серж. – Посмотри на себя. Из тебя же только браконьер получится! Кстати, Джери, если мы не хотим проскочить планету, можно уже снизить скорость. Стрэйк, ты там живой?

– Черт бы вас побрал, языкастых, – проворчал Стрэйк. – Джой, комплексное торможение!

– Левис, – сказал Рэд, обращаясь к Белтсу, вошедшему минут пять назад и заставшему часть разговора.

– Да, сэр?

– Подготовьте пилотируемые посадочные модули и оба малых звездолета. Посмотри, что там Блохин сотворил с погрузчиками. Если кто-то из ребят хочет поучаствовать в розыске животных, я не возражаю. По два человека на машину. О количестве задействованных модулей доложить штурману. Сегодня Серж нас координирует. Кейт, с тебя – сканирование: вдруг кто-то остался...

– Да, сэр.

– Стрэйк, Ив – на планетолет. Блохин – со мной на катер. Серж и Фил – орбита и наш возврат. Старт по готовности.

Стажер еле заметно вздохнул. Еще раз попасть в одну машину с капитаном, на которого он теперь смотрел едва ли не с благоговейным трепетом, оказалось не так-то просто. Исправлять его ошибки Рэд еще с грехом пополам соглашался, учить – нет. Джой исподволь взглянул на первого пилота: заметил он его кратковременное разочарование? Ив не хотел никого обидеть. Оставалось только принять предложенные правила и благодарить судьбу за то, что хотя бы старпом старается слепить из него пилота.

Сам Гардон уже почти жалел, что согласился на аферу, но отступать было поздно. До отпуска оставалось совсем мало времени, и начинающееся рискованное предприятие имело все шансы стать одним из последних его приключений в космосе. Слово, данное Кире, капитан нарушить не мог, подвергать команду опасности – тоже. Единственное, что оставалось, – это максимально усилить экипажи машин, что он и сделал. Виктору расклад сразу показался несколько странным. Кроме Джоя, любой из них справился бы вдвоем с техником. Гардон обычно в таких случаях брал с собой на катер Белтса или Фишера, оставляя Стрэйку плане-

толет, а желающим – посадочные модули. Попытка поговорить с капитаном с глазу на глаз ни к чему не привела.

– У Джеральда не бывает проколов, – отрезал Рэд. – Там небезопасно. Хочешь с ним, я поменяю пары.

– Рэджи, речь не обо мне...

– И не обо мне. Поэтому Джой пойдет со Стрэйком.

Виктор прикусил губу. Рэд чего-то не договаривал относительно аферы и своего в ней участия, а ссоры перед стартом были ни к чему. Кроме того, когда в рубке обсуждался район высадки, Гардон с Джеральдом схлестнулись перед всем комсоставом, как в старые добрые времена. Причем, оба говорили так, словно уже бывали на планете. Какое-то время Блохин и Рэд работали в ангаре молча.

– Капитан, это Стрэйк. Мы готовы. Координатор на месте. Старт?

– Старт. Мы за вами.

Гардон уже сидел в кресле пилота. Виктор, повозившись с ловушками, наконец плюхнулся рядом. Рэд медлил: ему несколько не хотелось снова оказаться в горящих джунглях.

– Я воевал здесь, и Джери тоже, – произнес капитан, не дожидаясь очередного вопроса. – Пристегнись. Серж, мы тоже поехали. Старт.

Атмосфера планеты считалась пригодной для дыхания. По инструкции, когда космонавт покидал борт несущего космического корабля, скафандр надлежало надевать в любом случае, вне зависимости от класса звездолета доставки и типа планеты назначения. Естественно, ни один космолетчик строго этого правила не придерживался, когда речь шла о вылазке на планету с атмосферой, сходной по составу с земной. Капитан и бортинженер «Моники» не были исключением. Гардон посадил катер в нужной точке и похлопал себя по карманам летного комбинезона.

– Ч-черт, сигареты забыл.

– Давай вернемся, Рэджи, – вдруг сказал Блохин, пристально наблюдавший за капитаном во время посадки. – Ты мне не нравишься сегодня.

Виктор отработал с Гардоном много лет. Он видел его битым, пьяным, смертельно уставшим и злым, но никогда – беспомощным. Даже для него Рэд всегда оставался таким бывалым космопроходцем со стальным взглядом, который мог шутить, когда самому Виктору уже было не до смеха. И вдруг представления, выдержавшие испытания самыми безнадёжными ситуациями, рухнули в одночасье без всяких видимых причин, словно Рэд на несколько минут убрал невидимую защиту.

Капитан промолчал.

– Останься на «Монике», а я возьму вторым Сержа. Гардон отрицательно покачал головой.

– Все не так просто... Где я мог их забыть? – он еще раз пошарил в многочисленных карманах комбинезона. – В рубке, наверное, оставил.

Капитан набрал код шлюзовых замков. Блохин понял, что разговор о возвращении окончен, и молча перешагнул порог, первым ступив на платформу трапа. Следом выбрался Гардон. Почва под ногами противно хлюпала. Сквозь дымную занавесь едва просвечивали спирально закрученные стволы деревьев, сплетавшиеся с ограждением вольеров. Алые, синие, желтые шапки крон непрерывно роняли серпантинные ленты. Ветер празднично разбрасывал их по поляне, на которой стоял катер. Трепещущие ленточки липли на комбинезоны и сыпались на отливающие сталью поручни трапа, разбиваясь о них в разноцветные комочки. С лохматого ковра местной травы со звуком, напоминающим хлопанье птичьих крыльев, вскидывались стреловидные листья, плевались вверх слизистыми струями, на лету сбивая серпантин и сплетаясь с ним в единое целое. Отчаянный, безумный праздник продолжения биологического вида на краю гибели, как любовь смертельно больных.

Рэд заходил на посадку с севера, с той стороны, где земля уже была выжжена дотла. Чернота пепелища, широкая полоса жадного трескучего огня и этот пронзительный спиралевидный листопад.

– Виктор... куда ты меня притащил...

– Что?

– Где твои дракончики? В трех километрах справа полоса огня!

– На поверхности семь экипажей, – раздался голос штурмана. – Фишера я оставил за Левиса на борту. Работаю на прием сообщений. Докладывать только время посадки и выхода на орбиту. Координаты на сканерах – отчетливо. Проход к шлюзам «Моники» по моей команде. Капитан?

– Хорошо, Серж. Мы сели только что.

– «Моника», это Стрэйк. Посадка в 12.48. Хотелось, как в детстве верить в то, что смерти нет и падающие обратно на траву стрелы, оплетенные семенами разноцветных крон, обязательно возродятся из пепла, пропустив беду через себя. Может, так оно и происходило здесь из века в век. Ни Рэд, ни Виктор, стоявший задрав голову, чтобы рассмотреть невероятной красоты кроны деревьев, не были специалистами по космобиологии.

Они пошли расставлять ловушки. Тяжелый болотный туман с едким дымом образовывали густой смог, и Гардон первым надел маску.

– На месте декоративного дракончика я бы здесь не выжил, – признался он Виктору, настраивающему манок. – Сыро, неудобно. А вольеры здоровые. Интересно, на сколько особей рассчитаны?

– Не знаю. Но то, что ты не декоративный дракончик, – сразу чувствуется. Это взрослые особи живут во дворцах, а детеныши выживают только в джунглях. Богатые владельцы специально привозят сюда любимцев для спаривания и проведения медового месяца.

– Не надо про медовый месяц, – улыбнулся Рэд. – Мне все еще совестно перед осьминожками.

Несмотря на пессимистические взгляды капитана, касающиеся среды обитания, жалобно курлыкающие дракончики чуть не сбили космолетчиков с ног, возникнув перед катером из тумана, стоило Блохину включить манок. Они оказались совершенно ручными и очень красивыми, размером с крупную овчарку. Чешуя переливалась всеми цветами радуги. Кайма небольших крыльев с замысловатыми разводами была ослепительно белой. Шея – словно в пене кружев. Гардон даже потрогал одного из них, чтобы убедиться, что это не шерсть и не декоративный ошейник. А глаза! Большие, влажные, совсем не драконьи...

Техники на модулях и пилоты сделали уже несколько заходов, прочесывая сканерами буйную зелень сельвы.

– Кажется, все, которые не попали в огонь, – подытожил Стрэйк. – Еще заход, капитан?

– Нет необходимости. Мы облетим район, посмотрим, что осталось. Кейт?

– Никого не нашел. Чистая эвакуация. Обслуживающий персонал уцелевших звероферм вывезли. Местного населения после войны практически не осталось.

– Пристегнись, – зарычал Рэд на Виктора. – Сколько раз можно повторять!

Блохин демонстративно отключил связь с орбитой и защелкнул фиксаторы.

– Только не психуй, Рэд. С какой точки начнем? Пройдя над дельтой реки несколько раз, они выбрали место для очередной посадки.

Платформа трапа пошла вниз, и гул пожара заполнил собой все окружающее пространство. Тяжелый дым, закрывший высокое зеленоватое небо, отрезал их от космоса. Земля под ногами ощутимо вибрировала и дымилась. В ловушках оказалось еще семь полуживых, наглотававшихся дыма дракончиков, которых космолетчики быстро покидали в багажный отсек.

Люк еще не успел закрыться, когда огромный огненный столб, рассыпавшись фонтаном искр, прорвался на площадку сквозь сырые джунгли. Почва, обожженная при посадке, предательски вспыхнула. Блохин одним прыжком заскочил в кабину и втащил Гардона. Рэд, чертыхаясь, бросился к панели управления. Пока он устанавливал режим терморегуляции в багажном отсеке, блокировал люки и заводил двигатели, земля, оказавшаяся густым переплетением корней, выгорела, и малый бортовой звездолет на две трети корпуса погрузился в болотную жижу. Капитан подумал, что надо убираться как можно скорее: катер нагружен, и неизвестно, хватит ли мощности двигателей поднять машину из глубины трясины.

Рэд положил руки на штурвал. Пляшущие языки огня сжигали блеклые декорации действительности. Рыжее на черном. Огонь в пустоте. Огонь в кабине. Огонь в джунглях, на глазах превращавшихся в пепел.

– Виктор, взлетай...

Он уже горел здесь, на торфяниках планеты Джунгли. Рэд помнил бой, в котором его подбили, долгое-долгое падение, вращающийся задымленный горизонт и глухой удар. Потом Гардон целый вечер выползал из истребителя, который от каждого незначительно движения все глубже уходил в трясины. Выбравшись, Рэджинальд увидел перед собой стену огня. Следующие сутки он убегал от пожара по болотам, пока не наткнулся на части регулярной армии, офицер которой без долгих колебаний сдал его на Зону-77 как дезертира.

– Э-э, Рэджи! В чем дело?

– Я здесь... звездолет утопил...

– Что с тобой!? Ладно, подожди.

Катер перестал биться на одном месте, разбрызгивая вязкую грязь, выполз из трясины и начал набирать высоту. Блохин потряс капитана за плечо.

– Что случилось? Рэд! Мы взлетели уже, просыпайся давай. Перегрузка основных систем?

Реальный мир, буквально свалился на капитана, внезапно встав перед глазами из темноты, как рекламная заставка. Рэджинальд ошалело посмотрел на напарника.

– Привет, – сказал Блохин. – Честно говоря, я даже немного испугался.

– Чертовщина, – пробормотал Рэд. – Мы транслировались на орбиту?

– Я предусмотрительно отключил связь с самого начала, если ты помнишь. Только коммуникаторы оставил.

– Не помню.

– Займись стабилизацией полета и его траекторией.

– Ты что-то говорил про сбой в системах?

– Я говорил про тебя в профессиональных инженерных терминах, – ухмыльнулся Блохин и включил передатчик. – Серж, мы здесь. Куда нам?

– Заходите с левого борта, – тут же откликнулся штурман. – Правый под разгрузкой. Координатор – экипажу: на борту семь машин из семи. Возврат – сто процентов. Потери людей – ноль, потери техники – ноль. Сканирование завершено. Планетарная разведка закончена. Командование судном сдал.

На платформе ангара кроме техников их неожиданно встретил Стрэйк. Посмотрев на все еще бледного Гардона, он не сдержался.

– Как-то вы криво летели, ребятки. С вами все в порядке?

– А что не так? – спросил Рэд.

Первый пилот сделал неопределенный жест и вопросительно посмотрел на Виктора, но тот сосредоточенно считал дракончиков. К моменту появления в рубке капитан окончательно пришел в себя.

– Как у нас обстоят дела с пропитанием для животных?

– Нормально, – ответил Кейт. – Если верить информации хозяев, они могут не есть около трех суток без последствий для здоровья.

– Экономичная скотинка, – заметил Блохин. – Только я думаю, что трое суток они и так не ели.

– Вот и займись провиантом.

– Капитан, мы уходим с орбиты? – спросил Джери.

– Да, уходим. Где расположен ближайший филиал компании «Биос»?

Через некоторое время, оставив на вахте Сержа, комсостав разошелся по каютам.

– Капитан, я хочу нанести вам визит, – раздался в каюте Гардона голос Блохина.

– Заходи.

После того, что случилось, у Рэджинальда не было никакого желания пускать другу пыль в глаза. Когда Виктор вошел, Гардон лежал на диване с сигаретой в зубах. На полу стояла недопитая бутылка джина.

– Как самочувствие? – спросил бортинженер, оценив картинку.

– Десять баллов, – ответил Рэд. – Сам не видишь?

– Что происходит? – Виктор подкатил кресло. – Почему, черт возьми, ты напиваешься в свободном поиске?

– М-м-м... зря я дверь открыл...

– Перестань, Рэджи. – Блохин убрал бутылку. – Я сегодня сыграл вместо тебя роль первого пилота и ни словом не обмолвился об этом Стрэйку. И сейчас меня раздражает от любопытства.

– Нет ничего нового, чем хотелось бы поделиться. – Рэд сел, швырнув подушку в угол. – Скорее наоборот. Все возвращается на круги своя. Жизнь – это такая злая штука...

– Погоди. Что возвращается? Что-то я не помню, чтобы с тобой такое часто бывало.

– Нельзя погрузиться в чужие воспоминания. Разумеется, это случилось в первый раз, мой проницательный друг. Сегодня я в первый раз завалил старт.

– Да ты не старт завалил. Ты сам чуть на старте не завалился! Ты бы видел себя со стороны!

– Ха! Ты много хочешь. Кому дано счастье видеть себя со стороны...

– Я не понимаю, что ты...

– И не надо понимать! Дело давно к тому шло... Я старый больной человек, а ты пристал со своими драконами... В итоге мои драконы чуть меня не сожрали! Вот и все.

Гардон был уже сильно пьян, хоть и говорил довольно отчетливо. Блохин замолчал, подыскивая нужные слова. Таким, как сегодня, он не видел своего друга никогда. И никогда не слышал от Рэджинальда ничего подобного.

– Рэджи, очнись. Все в порядке. Ну утопил звездолет когда-то, ну и что?

– Истребитель я здесь свой утопил, Виктор. Эл ноль пятый с четвертым бортовым номером.

Виктор махнул рукой, словно говоря: «Ну истребитель так истребитель, черт с ним».

– Остался жив и в первый раз, и во второй – и слава богу. Выпил – и хватит. Все нормально уже. Ты назови хоть одного пилота экстра-класса, который ни одной машины за свою жизнь не повредил или не угробил!

– Стрэйк.

– Ну, началось! Тогда почему Дорвард его раньше не переманил? Поискать, так всем найдется, что вспомнить. Чего тебя так вышибло?

– Не знаю, что там у других, а от моего экстра-класса, как выяснилось, мало что осталось. Если у тебя есть кусок мыла и веревка, я бы одолжил их минут на десять. И вообще, иди к черту! Что ты сюда приперся?

Блохин присвистнул.

– Рэджи, перестань нести околесную. Вставай! – сказал он и потащил слабо отбивающегося капитана под холодный душ. Минут через пять интенсивной терапии капитан начал грязно ругаться, и Виктор счел это благоприятным прогностическим признаком.

Рэд провел рукой по влажным волосам.

– Лучше поговорим о дракончиках, – сказал он. – Кстати, куда ты дел куртку?

Но поговорить о дракончиках они не успели, потому что вахтенный вызвал Гардона с мостика. Рэд, не подумав, включил видео.

– Сэр, у нас неприятности.

– Да? Замечательно! Я так и думал.

Сержа несказанно озадачил ответ и внешний вид капитана.

– Служба безопасности, сэр...

– Перестрелять их к чертовой матери! – в сердцах сказал Рэд и, посмотрев на сбитого с толку штурмана, добавил: – Сейчас я приду.

Он небрежным взмахом руки стер изображение с экрана каюты, включил личный коммуникатор на постоянный прием и повернулся к бортиженеру, натягивая форменную куртку.

– Ну что за жизнь, а?! Ни напиться, ни повеситься. Спасибо, Вить. Пойдем.

Вроде бы на этом можно было поставить точку. Но Блохин надолго замолчал, задумавшись о случившемся. Привычный облик «бывалого космопроходца», который так любил примерять на себя Рэджинальд, спасаясь от любопытных глаз, больше не внушал бортиженеру особого доверия. И Виктор смутно догадывался, что с этого дня ему суждено всегда видеть обе стороны медали.

– Без вас я не решился открыть огонь, сэр. Сент-Фалль сидел, развалившись в кресле первого пилота. На обзорном экране маячил патрульный крейсер СКБ.

– Чего орлы хотят? – поинтересовался Гардон, кивнув штурману и усевшись на свое место.

– Разумеется, содрать штраф. Перевозка животных в непригодном помещении, отсутствие ветеринарных ведомостей, неуплата пошлины. Кажется, я забыл еще пунктов пять обвинительного заключения.

– Любят господу загребать жар чужими руками, – заметил бортиженер. – Обдерут, как липку.

– Виктор, придумай что-нибудь, – устало сказал Гардон, – а то мы сядем всем экипажем: за оказание вооруженного сопротивления органам охраны правопорядка.

– Ты бы, в самом деле, отошел от пульта, капитан, – посоветовал Серж.

– Послушайте, – вдруг оживился Блохин, – этих драконов кто-нибудь ест? Впрочем, не важно! Мы же возем потенциальный комбикорм! Поднимайте всех. Животных надо заставить лежать неподвижно. Там есть дохлые?

– Уже есть, – ответил Кейт, входя.

– Прекрасно, остальные будут спать как убитые, даже лучше. Серж, пошли. Рэд, задержи их визит, если сможешь. Кейт, вызови Стрэйка. Слепите с ним хотя бы подобие контракта по реализации биологических отходов на случай, если потребуется документ.

Гардон молча кивнул и только сейчас ответил на вызов. В итоге его все-таки вынудили пригласить патрульных на борт. У лифта капитан столкнулся нос к носу со штурманом.

– Пойдем.

– Куда? – удивился Серж. – В зверинце уже полный порядок. Натуральное кладбище.

– Встречать гостей.

– А почему не Джери?

– Занимается документацией. У него, как у помощника капитана, больше прав.

Пока они шли по коридору к трюму, Гардон сообразил, что лучше бы ему сейчас не показываться на глаза блюстителям порядка как можно дольше.

– Серж, – сказал капитан, – вести переговоры сегодня будешь ты. Я к концу разговора подойду.

– С чего вдруг?

– Звезды так расположились. Идея проста: драконы сдохли. Мы договорились с сельхозобъединением Марайны сбывать их за бесценок в качестве корма, подлежащего переработке.

– Тебя только что сняли с должности? Рэд несколько секунд медлил с ответом.

– Меня могут протестировать, – нехотя сказал он. Сент-Фалль окинул взглядом капитана, которого слегка качало.

– С чего ты напился, Рэд? – В вопросе штурмана угадывалось скорее сожаление, чем осуждение. Дурные привычки друг друга команда знала наперечет. Но на период свободного поиска их старались оставлять за бортом звездолета, что до сего момента большинству членов экипажа, включая и самого капитана, вполне удавалось.

– Не хочу объяснять.

– По крайней мере честно.

– Значит, договорились?

– Как скажешь, капитан.

Серж Сент-Фалль, или по матери Сергей Валеев, был человеком оригинальным, с большим самомнением и злым языком. С Гардоном он познакомился весьма необычно, разыскав его на дрейфующей спасательной базе. Когда Рэд пришел по вызову в комнату посетителей, он увидел черноволосого молодого человека, одетого стильно и чуть небрежно. Бархатисто-черные, словно подведенные, глаза незнакомца смотрели изучающее. На шее болталась изящная золотая цепочка с полумесяцем, а на лацкане его более чем штатского костюма красовался штурманский значок. Рэджинальд холодного поздоровался.

– Есть одна проблема, командир, – сказал незнакомец. – Вы ведь любите совершать подвиги? – Его тонкие брови приподнялись, придав лицу выражение не то легкого пренебрежения, не то любопытства.

– Работа такая, – небрежно ответил Рэд.

Они устроили небольшую словесную дуэль и понравились друг другу чуть больше, чем вначале. Серж тогда первый год работал в торговом флоте после окончания ВШК. Совершая челночные рейсы, его корабль несколько раз проходил мимо старого военного спутника времен Первой звездной войны, болтавшегося на орбите планеты Брист. Спутник имел антикварный вид и воспринимался неотъемлемой частью пространства вокруг торговой трассы. Но однажды Сержу показалось, что тот изменил орбиту. Штурман навел справки и выяснил, что на планете несколько дней назад наблюдались подвижки коры. Брист представлял собой склад радиоактивных элементов, и в прежние времена его изрыли шахтами, добывая ядерное горючее. Траектория спутника проходила как раз над «заглушкой» одной из шахт.

Сент-Фалль попробовал изложить СКБ свою точку зрения и получил рекомендации впредь с проблемой радиофобии обращаться к психологу. Тут в штурмане разыграло уязвленное самолюбие. И он начал искать человека со скандальной репутацией, ясным умом и умением управлять транспортным средством, которое имелось в наличии. Гардон отвечал всем требованиям, и выбор пал на него.

– Мощный направленный пучок излучения съедает устаревшую электронику спутника виток за витком! – говорил Серж. – Я не берусь предполагать, какие функции на него возлагались – может, просто ретрансляция связи, но мне что-то не хочется в следующий рейс проходить рядом с Бристом. Если вам тоже интересно, мы можем проверить...

Гардон вызвал Блохина, кратко пересказал только что услышанную историю и предложил поработать сверхурочно. Опасения штурмана не показались ему порождением радиофобии. В итоге Серж, Рэд и Виктор вломились на спутник, когда металлический голос на борту начал обратный отсчет секунд, начиная с шестидесяти. Пока Блохин искал ключи к резервному источнику питания, Рэд с Сержем громили пульт. То, что осталось, они обесточили.

Как показала экспертиза, функцией спутника было уничтожение планеты как источника стратегического сырья, в случае прорыва вражеских войск. Взрыв целой планеты, набитой радиоактивными элементами, в районе с густой сетью транспортных магистралей мог обернуться трагедией. Справедливости ради надо заметить, что за давностью событий взрыва могло и не быть. А если бы и рвануло, то не в планетарном масштабе. Но в СКБ все равно разразился грандиозный скандал. Спасатели, благодаря СМИ, оказались героями, спасшими мир, а Сент-Фалль небезосновательно предположил, что скоро распрощается с торговым флотом навсегда.

Когда Гардон вошел в трюм, ему в нос ударил резкий запах тухлятины. По всей вероятности, Блохин успел перекинуть сюда вентиляционный канал мусорного отсека. Пол представлял собой ковер из спящих животных. Освещение приглушили. У самого входа положили трупы трех дракончиков, действительно погибших от ожогов. На случай, если гости захотят удостовериться. Гости не захотели. Гости жалели, что вообще затеяли историю с проверкой: настолько мерзкое было зрелище.

– Добрый день, лейтенант, – грустно сказал Рэджинальд. – У всех бывают неудачи. – Он кивнул на пол, усыпанный кожистыми телами, некоторые части которых конвульсивно подергивались в агонии: у Виктора не было времени рассчитывать точные дозировки снотворного. – Извините за опоздание. Члены экипажа обрисовали вам суть проблемы? – добавил капитан, совершенно успокоившись насчет запаха алкоголя. Он всецело перебивался вонью, организованной бортинженером.

– Контракт уже заключен? – холодно спросил командир патруля.

– Поскольку мы очень торопились – товар быстро портится, – мы заключили его через систему «Коммерческая сеть». В настоящее время я как раз занимался сбором подписей, чтобы хоть что-то выжать из фермеров в случае, если мы привезем им разложившиеся остатки. Температуру в отсеке придется понижать до минусовой...

Последняя фраза, призванная рассеять все сомнения, звучала почти доверительно, и лейтенанту, мечтавшему поскорее выбраться из вонючего трюма «Моники», оставалось только поверить Гардону. Он не принял приглашение ознакомиться с условиями сделки в центральном пульте управления и, пожелав капитану счастливого пути, вместе с подручными покинул борт. Блохин включил вентиляцию на полную мощность и вслед за Сержем и капитаном вылетел в коридор.

Ущерб от фальсификации оказался ничтожным: штраф в размере пяти процентов от предполагаемой суммы контракта за его расторжение сразу после заключения и один не проснувшийся дракон.

Придя в свою каюту, Рэд прикончил бутылку, не раздеваясь повалился на кровать и уснул мертвым сном. Сигнал экстренного вызова, на который капитан обычно реагировал рефлекторно, гудел целую минуту, прежде чем Рэд открыл глаза.

– Что еще случилось? – проворчал он, приподнявшись на локте и щурясь от дежурного света, включившегося одновременно с зуммером. – Третья звездная война?

– Упс... Приехали. – Кейт, сменивший в рубке штурмана, изучал помятое лицо своего командира, прикидывая на глазок его способности к комбинаторике при столь удручающей внешней составляющей.

Рэд сидел на постели, пытаясь прогнать остатки сна и одновременно определить тяжесть похмельного синдрома по десятибалльной шкале. Шкалы не хватало.

– Здоровый сон капитана – залог успешного полета.

– Давай ближе к делу, Кейт. Или я предоставляю тебе все полномочия и снова завалюсь спать.

Хронометр показывал два часа ночи ровно, пить хотелось страшно.

– Есть проблемы из области локации, господин капитан, – сказал Кейт. – Лучше, если ты придешь на мостик прямо сейчас.

Капитан кивнул, вытащил из холодильника банку тоника и, приложив ее к виску, вышел из каюты. Во всех вопросах, касающихся связи, Рэд верил Кейту безоговорочно. Гардон имел возможность убедиться в его профессиональных и личных качествах, когда однажды они с Виктором провалились в ледяную трещину на одной из малых планет бета-радиуса. На пульте их спасательного катера в течение нескольких часов упорно светился значок перегрузки правого маршевого двигателя. Блохин, провоевавший с техникой все это время в конце концов сказал: «Надо садиться, командир, до базы не дотянем».

Они сели на редкость неудачно – на ледяной склон, который тут же обрушился лавиной в глубокую расщелину. На дне располагалось живописное озерцо жидкого азота, и застрявший над ним звездолет потихоньку превращался в замороженный гроб. Гардон ругался так, что Блохин отключил коммуникатор. Еще бы! Сигнал «SOS» со спасательного катера. Не надо было обладать бурным воображением, чтобы представить себе реакцию командора Пайнтера и дальнейшую беседу о технике безопасности полетов и назначении Службы спасения. Кроме того, из-под огромного слоя камня и льда над их головами сигнал пробивался слабый, почти на уровне обычных шумов эфира.

На счастье будущих капитана и бортингенера «Моники» Кейт в тот момент находился в рубке линкора военно-космических сил Аналога-3, следовавшего в гамма-радиус для участия в маневрах. Кейт переругался со всем начальством: сначала никто не хотел верить, что обрывки сообщения, которые они ловят с планеты 803 – это просьба о помощи, потом – менять курс, прикрываясь ответственной миссией и приказом штаба. Когда линкор развернулся, Фил уже не хотел иметь с военными никаких дел, о чем прямо заявил Гардону, как только его катер вытащили на поверхность. Кейт вступил в ряды АСП, где вместе с Рэджинальдом успел поработать около полугода, пока тот не получил «Монику».

Тогда Рэд переманил к себе Блохина и Стрэйка, остававшихся в Службе спасения, пригласил штурманом Сержа, радистом – Кейта. Со вторым пилотом «Монике» довольно долго не везло, пока Стрэйк не нашел Эдварда. Джери занимался подбором малых бортовых звездолетов, которыми МНК-17, только что сошедшая с верфи, не была укомплектована. Гетт работал пилотом-испытателем малотоннажных аппаратов в летном подразделении отдела снабжения Департамента. И Джеральд вспомнил о парне, когда они с Гардоном, в последний момент отвергнув очередного кандидата, опрометчиво ушли в рейд вдвоем и основательно вымотались.

Все предложенные кандидатуры однозначно прошли по конкурсу. Получив в руки результаты психологического теста на совместимость будущей команды, Рэд пришел в замешательство. Раньше он и не подозревал, что собранные вместе профессионалы и команда – разные понятия.

Первые полгода люди, оказавшиеся в рубке «Моники», друг друга просто не слышали. А про Стрэйка с Гардоном вообще разговор отдельный. Джери начал воспринимать Рэда всерьез только после того, когда тот наотрез отказался возить наркотики. За что их с первым пилотом чуть не постреляли на технической станции. Гардон был вооружен, Стрэйк тоже, и чем бы все закончилось неизвестно, если бы штурман не привел к месту противостояния Александра Седого – капитана звездолета АСП, стоявшего на соседнем причале.

Алекс вошел с поднятыми руками, обезоруживающе улыбнулся, громко скомандовал в инком: «Маршевые на прогрев!» – и предложил господам бандитам выглянуть в окошко. Затем он опустил руки и сказал: «У вас пять минут, чтобы спасти товар».

После чего Сент-Фалль, который весьма негативно относился к употреблению горячительных напитков, честно выпил стакан сухого вина за дружбу между экипажами АСП. Со временем, убедившись, что спаивать его никто не собирается, Серж стал более лояльно относиться к привычкам своих сослуживцев. И совсем успокоился, когда Рэд лично рассчитал одного из техников за пьянку на вахте...

Подписав приказ об утверждении командного состава МНК-17, командор Дорвард дал добро на существование самого профессионального, самого молодого – если учитывать средний возраст – и самого разгильдяйского экипажа в своей организации. Гардон стал капитаном в двадцать семь лет. Из всей команды только Стрэйку, Филу и Белтсу перевалило за тридцать.

Опасения оказались не напрасными, но Дорвард ни о чем не жалел: АСП всегда котировалась очень высоко, а с появлением «Моники» ее престиж взлетел на головокружительную высоту. Правда, число стычек с Артуром Дэйвом, курировавшим Ассоциацию от СКБ, также возросло параллельно доходам.

Гардон встал за терминалом радиста. По экрану бежали линии пространственных координат. Через минуту Кейт нашел то, что нужно, и у Рэджинальда наконец перестало рябить в глазах.

– Ага. Вот. Что-нибудь видишь?

Рэд помычал, не отрывая от банки пересохших губ.

– Джери, вставай, – сказал Кейт в инком, не спуская глаз с капитана. – Дело есть.

– Что случилось? – встревожено спросил хрипловатый со сна голос Стрэйка. – Ты почему шепчешься в индивидуальном режиме?

– Минут через пять приходи на мостик. Я НЛЮ нашел.

– Рэд где?

– Рядом стоит. Пьяный в жопу, пеленг не видит.

– Что такое! С патрулем чего-то не поделил? Я иду!

– Минут через пять. Дадим капитану шанс.

– Надо будет Виктора спросить.

– Не скажет.

Рэд допил и выронил банку. Кейт отключил коммуникатор.

– Совсем худо?.. Рэд, прием!

Кейт вздохнул и, увеличив масштаб, ткнул пальцем в переплетение линий.

– Смотри теперь. Она немного отклоняется.

– Да. Понял. И что?

– Там что-то есть.

– Может, помехи или нестабильность полей? – спросил капитан не очень уверенно.

Кейт отрицательно покачал головой.

– Оно движется за нами. Я их вижу минут семь-восемь. Тоже думал про помехи, нестабильность и прочую чепуху, вплоть до забытых техниками отверток. Менял углы, масштабы, мощность радаров. Потом решил, что лучше это с кем-то обсудить. Ты как, в состоянии?

– Угу. В состоянии... Звездолет? – спросил Рэд, потер глаза руками и вытащил сигарету.

Кейт тоже достал пачку.

– Знаешь, у военных есть подобные уловки – прикидываться, что их нет. Это легко ловится по эфирной дыре. Поэтому, если это маскировка, то самая совершенная. Ребята говорят: «Я кусок свободного пространства». Кстати, профессиональное исполнение. Если бы не откровенное безделье, я бы не заметил. Что ты об этом думаешь, капитан?

- Может, эскабэшники учуяли, что их провели, и отслеживают нас?
- Их крейсер не оснащен столь изысканно, можешь мне поверить. Если, конечно, они не из спецподразделения.
- Туповаты они для спецподразделения. – Гардон отошел и оперся на спинку своего кресла. – Хреново-то как, Кейт. Мне сейчас только за руль... Буди Стрэйка.
- Разбудил уже.
- Субординация, однако...
- Второй раз в жизни встречаюсь с космическими пиратами, – сказал Кейт. – Но первый не в счет: я был на линкоре.
- Линкор бы не помешал, – согласился капитан. Сигарета обожгла ему пальцы, и он швырнул ее в угол.
- Вычисли его, Кейт. Но сначала сообщи в СКБ о неопознанном объекте. Я поднимаю экипаж.
- Я попробую их раскодировать, но связываться с СКБ... – Фил медлил, выжидательно глядя на капитана.
- Если бы я был один, Кейт, – вздохнул Рэд. – Двадцать три человека. Звони. – Он уселся в свое кресло и включил систему экстренного оповещения. – Капитан – экипажу. Нештатная ситуация. Командному составу и техническому персоналу занять рабочие места. Под звуки низкого прерывистого зуммера мостик мгновенно заполнился людьми.
- На нас собираются напасть, – сказал Гардон, не дожидаясь вопросов.
- Я так и думал, – трагически прошептал Блохин Сержу, пока пилоты занимали места. – Меня изнасилуют, а дракончиков увезут в рабство.
- Твои вонючие драконы мне слишком дорого обходятся, – обернулся к нему Рэд. Блохин замолчал и угрюмо отполз на свое место.
- Приближаются, – подал голос Фил, – и довольно быстро. На что надеются – непонятно... Судя по всему, ничего выдающегося, между мало- и среднетоннажником. Локаторы его пока не идентифицируют.
- Гонятся за нами, – пояснил Рэд. – Все как положено: маскировка, молчание в эфире.
- СКБ, – коротко сказал Джери.
- Уже, – в тон ему ответил капитан.
- Кто вам сказал? – удивился радист. – Парни не новички, они меня глушат. Тривиально, конечно, но с нашей аппаратурой не пробить.
- Блохин присвистнул. Джой не верил своим ушам. О пиратах он читал в детских книжках с парусниками на картинках. Иногда в сообщениях агентства информации «Галактика» проскакивало сообщение о героическом и неизменно успешном рейде СКБ против космических негодяев. В космошколе тема обсуждалась больше в кулуарах и давала простор фантазии каждому из участников дискуссии.
- Есть! – воскликнул Кейт почти торжествующе и тут же сник. – Боевой крейсер-полуавтомат «Каскад». Сейчас будет картинка на центральном обзорнике. Десять бортовых орудий, не считая легких. В каталоге угонов стоит на третьем месте. По опыту могу сказать: нашпигован электроникой до отказа.
- На экране высветился звездолет.
- Разогнаться не успеем, как сцапают, – сказал Гардон, и развернул кресло к Джеральду. – Я – первым. Виктор, блокируй пульт второго пилота. – В глазах у капитана загорелся нехороший огонек.
- Блохин хотел что-то сказать, но вовремя прикусил язык. Стрэйк и Рэд на сей раз понимали друг друга как никогда.
- Может, отдадим им драконов? – предложил Джери. – Пусть подавятся.
- Для этого их все равно придется пустить на борт, а переборки не бронированы.

– А если переслать скотинку на модуле? – спросил Кейт.

– Сто семьдесят два дракона ни в один модуль не войдут, – ответил Гардон. – К тому же, это только повод. Им хочется «Монику» в придачу к ее содержимому. Капитан – экипажу. Боевая тревога! – заговорил Гардон в микрофон оповещения. – На «Монику» совершено нападение. Экипажу приготовиться к отражению атаки боевого крейсера «Каскад».

Корабли свободного поиска имели бортовое вооружение. По статистике именно на звездолеты АСП совершалось больше всего нападений, а попытки угона исчислялись десятками. Разрешение на вооружение стоило Дорварду немало нервов, но в конце концов оказалось вполне обоснованным. Большинство оружие было легким, в пределах разрешенных характеристик, но «Моника» составляла исключение. После инцидента с наркоторговцами Гардон, Стрэйк и Блохин нелегально закупили пять тяжелых орудий и под руководством Левиса Белтса, имевшего кое-какие представления о контрабанде, заменили ими обычные палубные установки. Легкие пушки спихнули колонистам. Система управления огнем была заблокирована личным кодом капитана и за все годы существования «Моники» не использовалась ни разу. Гардон ввел пароль.

– Джери, виртуальный спарринг-контроль.

– Джой, малыш, я побуду вторым на время, – сказал Стрэйк.

Джой для чего-то подергал пряжку страховочного ремня и представил, как в пустых каютах мебель трансформируется в пластичную массу, стремительно окутывает личные вещи членов экипажа, расплескивается по стенам, терминалам связи и бортовому компьютеру, превращая уютные комнаты в гладкостенные норы, лишённые всякой индивидуальности. Тревога. Не учебная.

Убрав руки с пульта, он теперь не знал, куда их деть. Джой взялся за подлокотники кресла и оглянулся на экипаж, от действий которого сейчас целиком зависела его жизнь. В первый раз он видел этих людей абсолютно серьезными. В первый раз он до конца поверил, что комсостав «Моники» – это команда, умеющая действовать решительно и слаженно. С момента, когда они покинули орбиту Файра, Джой все время казалось, что работают на борту только ребята Белтса, а звездолет летит сам по себе. Без всяких усилий со стороны комсостава, члены которого вели себя в рубке более чем раскованно. Без участия командира корабля, который крайне редко им что-то приказывал. Как-то раз Джой даже набрался храбрости и попробовал обсудить эту тему с Виктором. Тот сначала долго допытывался, что именно не нравится стажеру, временно исполняющему обязанности второго пилота: недостаточное количество приказов или безобразная невоспитанность членов комсостава. А потом хлопнул его по плечу и, все еще продолжая улыбаться, сказал: «Умеет, умеет Гардон командовать в стиле „молчать – не обсуждать!“», не сомневайся. Но чем дольше ты этого не увидишь, тем целее будем». Джой тогда крепко задумался, но только сейчас он до конца осознал всю глубину своей иллюзии.

– Боевой разворот по подпространственной петле типа «кондор» с заходом в хвост. Джери?

– Пойдет. Серж, рисунок.

– Готово.

– Нормально. Синхрон?

– Готов.

Взревели маршевые двигатели, заработали ускорители. «Моника», провалившись в подпространство, пропустила крейсер вперед и выпрыгнула за его кормой. Рэд нажал гашетку. Их неожиданно сильно трянуло.

– Рэд, видел?! Твои губицы сбивают траекторию, – крикнул Джери.

– Наплевать, пусть сбивают. Так даже веселее! Не поймать. Не просчитывается траектория.

– Стрелять как будешь, говорю? У нас-то тоже не просчитывается.

– Метко. Иначе – хана. Смотри, как лупит! Энергоресурс не наш...

«Моника» ушла на серию разворотов. Крейсер, пропустивший касательный удар, раскалился от ярости, швыряясь огненными водопадами. Но Рэд, боявшийся его дальнобойных орудий, предпочитал не уходить далеко. На простом скоростном участке у них не было никаких шансов. Звездолеты закрутились друг вокруг друга, преодолевая громадные расстояния и практически оставаясь на месте, по очереди вываливаясь из обычного пространства и непредсказуемо возвращаясь в него.

– Подтянись еще ближе, – одобрил Стрэйк. – Сейчас подставится!

Гардон промахнулся.

– Скорости не хвати...

Раздался тяжелый глухой удар в правый борт. По кораблю прошла судорога. На пульте замигал значок потери мощности правого маршевого двигателя.

– Твою мать! Виктор, снесло-нет? Серж?!

– Сектор двести, направление – на линзовидную. Скопления – в центре. Прыжок четыре парсека – чисто.

К нервному биению маршевых двигателей добавился ноющий звук подпространственных ускорителей.

– Ну? – спросил Стрэйк. – Не можем мы всю правую сторону глушить, Виктор!

– Я на месте посмотрю. – Блохин сорвался с места, на ходу приказывая техникам собраться в шестом отсеке. – С пульта не запускается – предохранители блокируют. Остальные по правому борту целы, – комментировал он. – Два маневровых вылетело. Угрозы работающим двигателям нет. Этот восстановим – скажу. Пока без него!

– Еще прыгай, Рэд! – сказал Стрэйк. – «Спираль» на маневровых все равно не вытянешь – достанут.

– Серж?

– Зоны перехода нет. Направление заблокировано огнем противника. Сектор сто четырнадцать, направление – на спиральную. Выход – на звезду. Один парсек. Остальное не пробуй.

– Ни хрена себе! Ускорители сдохнут на месте крутиться. Ищи давай!

– Вить, что там? – спросил Стрэйк.

– Есть! Запускайте. Но Гардон медлил.

– Кейт, сигнал «SOS», – вдруг сказал он, – с истерикой!

– Капитан?

– Мы же подбиты, мы зовем на помощь. – Рэд не сводил глаз с крейсера, догнавшего их и включившего тормозные двигатели. – Джери, брось штурвал. Бросай! Давай покувыркаемся на разбалансировке. Нам очень страшно... Иди сюда... Молодец! Джери, левый разворот. Разгон. Давай, давай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.